

СЕРГЕЙ АБРАМОВ
•
КАНАТОХОДЦЫ
•

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Сергей Александрович Абрамов

Волчок для Гулливера

OCR Xac

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129559

Канатоходцы: Роман, повести. : Центрполиграф; М.; 1997

ISBN 5-218-00423-5

Аннотация

В этот сборник С. Абрамова вошли фантастические произведения о будущем, о глобальных проблемах, захватывающих целые планеты, звездные системы и галактики.

Содержание

Глава 1. СЕДЬМОЕ ЧУДО ВЕКА	5
Глава 2. ВОЛЧОК В ОКЕАНЕ	13
Глава 3. «Я ХОЧУ ЖИТЬ!»	25
Глава 4. МАГИСТР ОРДЕНА «ДОМИНИКАНЦЕВ»	34
Глава 5. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ	42
Глава 6. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ	54
Глава 7. ЧТО МОЖНО ЗАПИСАТЬ НА МАГНИТНУЮ НИТКУ	64
Глава 8. В СЕЙФЕ ЛОЙОЛЫ	74
Глава 9. КОНЕЦ ДОМИНИКА	82
Глава 10. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ	89

Волчок для Гулливера

Сергей Абрамов

Волчок для Гулливера

Классическая

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

МОСКВА ~ 1997

Глава 1. СЕДЬМОЕ ЧУДО ВЕКА

Когда Майк Харди, старший конструктор фирмы электронных приборов, двадцатидевятилетний холостяк, вернулся с работы много позже обычного, он устало плюхнулся в кресло, вытянув ноги к электрообогревательному камину, горящему, несмотря на летний угасший день. Летним, впрочем, он был только по времени года – с утра в Лондоне лил мелкий осенний дождь и зловеще протяжно, как в романах Анны Рэдклифф, завывал ветер за разохшимися от старости створками окон – ох уж эти мне древние английские дома, не желающие умирать даже к самому концу века! Но комната все же хранила тепло и уют: не вставая, можно было взять сигару или сигарету, виски и лед из висячего бара с морозильником и даже просмотреть программу миниатюрного телевизора, укрепленного на ручке кресла под линзой с прогрессирующим увеличением. Но Майку не хотелось ни есть, ни пить – он поужинал по дороге домой в баре напротив, – не хотелось курить и даже просто думать о чем-нибудь занимательном. Идея нового изобретения, терзавшая его уже два с лишним месяца, наконец оформилась, и он чувствовал себя опустошенным, как кухонный холодильник после очередного налета гостей.

В этот момент и проник в полусонную тишину вечера чуть приглушенный зуммер видеофона. Майк не включил экрана

– не захотелось.

– Ну? – сказал он лениво.

– Харди? – спросила трубка.

– Мистер Харди, – поправил Майк.

– Говорит представитель «Хаус Оушен компани», – властно сказала трубка, игнорируя назидательность реплики. – Почему не включаете видео?

– Не хочется.

– Ваше дело. Пока мы не имеем права настаивать, – «мы» и «пока» прозвучали явно подчеркнуто, и Хард тотчас же это учел, – но мне бы хотелось встретиться с вами не откладывая. Встреча может быть интересной и для нас и для вас.

Майк, не очень довольный своими делами в фирме, ожидался. Неожиданный разговор что-то обещал.

– Где и когда? – спросил он.

– Скажем, завтра. Позавтракаем вместе в двенадцать.

– Невозможно, – вздохнул Харди, – завтраки доставляют нам из бара «Думсдей». Шеф не любит, чтобы мы покидали лаборатории.

– Плюньте на вашего шефа. До завтрака он будет уволен.

– Не понимаю...

– Поймете. Вы любите французскую кухню?

– Люблю, – растерянно откликнулся Майк, – но...

– Включите экран.

На экране возник холеный седовласый джентльмен с модными в этот сезон викторианскими бачками.

– В двенадцать в Сохо, – сказал он. – У Жюля Леметра.
Третий стол у окна.

Экран погас.

Майк встал и прошелся по комнате, нервно потирая руки. Предстоявшая встреча с «Хаус Оушен компани» взволновала бы каждого. Ведь само название это было производным от слова «Хаус» – «Дом» с большой буквы – седьмого чуда света в последние десятилетия двадцатого века. До рождения Дома таких чудес было тесть. Туннель под Ла-Маншем, накрепко привязавший Британию к континенту, и пластмассовый мост через Каспийское море, соединивший Баку с Красноводском; пятикилометровая вонзившаяся в небо игла – парижская телебашня, сменившая старенькую игрушку Эйфеля, и свободно плавающий остров-курорт Майами Флай-Айленд; международный космопорт на Луне и постоянно действующая советская автоматическая беспилотная станция на Венере. Дом был седьмым. Седьмым чудом ушедшего века, воздвигнутым инженерным гением Доминика Лабарда за шесть лет до начала третьего тысячелетия живущего по григорианскому календарю человечества.

Майк знал о Доме все или почти все, о чем буквально вопили мировая печать и радио, видел Дом на кино – и телеэкранах, на рекламных плакатах и журнальных фото. Двухкилометровой высоты, полтора километра в диаметре поперечного сечения, он походил на гигантский волчок, поставленный на крохотном островке-риффе в Атлантическом оке-

ане этаким космическим Гулливером, сошедшим со звезд к земным лилипутам. «Волчок» вращался, не прекращая движения ни днем ни ночью, и, говорили, именно это и обеспечивало ему устойчивость и недоступность для ветров и бурь. Построенный за пределами американских территориальных вод, этот дом-город в 450 этажей, с трехмиллионным населением и собственной индустрией был не государственным, не национальным, а частным владением, личной собственностью миллиардеров Грэгга и Хенесси, контролирующих две крупнейшие и перспективнейшие отрасли американской промышленности – электронную и автотранспортную на воздушных подушках, вытеснившую к концу века почти все виды морского и сухопутного транспорта.

Создание Дома было ответом на предсказания ученых о демографическом взрыве, который якобы вот-вот последует. Так, по мнению строителей дома могла быть освобождена земля от перенаселяющих ее городов. А города росли и укрупнялись, образуя могучие агломерации, связавшие десятки городов-карликов в единый гигант Мегалополис. С восточным Мегалополисом, объединившим добрую сотню городов от Бостона до Балтимора, был связан и Дом пуповиной-тюбом, ежедневно выбрасывающим с гиперзвуковой скоростью вагоны-поезда на центральных вокзалах Нью-Йорка и Вашингтона.

Майк знал и больше – ведь рекламные проспекты «Хаус Оушен компани» распространялись по всему миру, – он да-

же представить себе не мог, чем он, Майк Харди, безвестный конструктор фирмы «Притчардс и Притчардс», никогда не сообщавшей, кто является автором запатентованных ею электронных новинок, чем мог он заинтересовать создателей уникального технического феномена. Может быть, слухи об идейке, терзавшей его два с половиной месяца, все же дошли до их ушей – ведь он мог сболтнуть кое-что кое-кому в часы ресторанно-клубных идиллий.

Все выяснилось на другой день в двенадцать часов в ресторане Леметра за столиком у окна, выходявшего на такую, как и вчера, дождливую лондонскую муть, в которой внизу мелькали мокрые туфли и туфельки, а наверху – черные и цветные зонты. Моды, как заяц, петляя и путаясь, возвращались на следы тридцатилетней давности.

Навстречу поднялся холеный псевдовикторианец с поседшими бачками.

– Стрэнг, – назвал он себя. – Завтрак я уже заказал по своему вкусу.

– Все обошлось как нельзя лучше, – заметил Майк. – Шеф даже не зашел ко мне до двенадцати.

– В одиннадцать его уволили, – пояснил Стрэнг. – Дело в том, что мы купили компанию «Притчардс и Притчардс». Этим, в сущности, и вызвана наша встреча.

Майк раскрыл рот и умолк, ожидая продолжения, но Стрэнг предпочел перейти к завтраку. Майк не настаивал. Спаржа и крылышко цыпленка с белым вином требовали по-

вышенного внимания, да и любопытство следовало скрыть. Стрэнг молчаливо одобрил выдержку Харди: не торопится, не суетится, выдержан, немногословен.

– У нас к вам предложение перейти на работу в Дом, – сказал он. – Диспетчером автоматических блоков связи. Сложная цепочка электронных компьютеров. Но думаю – справитесь. Контракт на пять лет. Гонорар двойной против лондонского.

– А если не справлюсь? – улыбнулся Майк.

– Вернем вас в лондонскую лабораторию.

– А если захочу уехать, не отработав контракта?

– Уплатите неустойку, едва ли для вас приемлемую.

– И последнее, – засмеялся Майк. – Если не соглашусь?

– А почему? Мы предлагаем вам пост одного из представителей интеллектуальной элиты Дома. Вы, может быть, думаете, что наш диспетчер – это нечто вроде диспетчера автобазы или разгрузочной станции? Нет, это электронщик очень высокой квалификации. Вы, например, – король связи. Видеофонной, телевизионной, лучевой. Связи с внутренним и внешним рынками. С любым абонентом любой страны. Машина нашей индустрии, торговли и образования остановится, если оборвутся каналы связей. Вы – дирижер этих связей, алгоритм их непрерывности. Ваши компьютеры что-то убаюкивают, тормозят, открывают, блокируют, дают задания автоматическим системам. Вы – композитор этой симфонии. Мало?

– Слишком помпезно. У меня в Лондоне тихая почти независимая, своя лаборатория.

– Свою лабораторию вы получите и у нас, кстати лучше и современнее оборудованную, но только после обязательно-го объема работы. Что пострадает? Киносеанс, или телепрограмма, или, может быть, встреча с девушкой? Едва ли об этом стоит жалеть. А любое ценное изобретение, рожденное у вас в лаборатории, тут же приобретается после удовлетворительных испытаний и патентуется с указанием имени автора.

Майк все еще колебался. Он не понимал одного: чем же объяснялась настойчивость этого незаурядного предложения?

– Мое положение? – пожал он плечами. – Едва ли оно значительно. Мои таланты? Едва ли они заметны.

– Не скромничайте. Мы знаем вас лучше и ценим дороже, чем Притчардсы. Мы тщательно изучили вашу документацию по молеэлектронике и все изобретательские находки. Ваш ручной телевизор-браслет с десятикратно увеличивающей изображение линзой по сравнению с достижениями микроэлектроники прошлых десятилетий – феномен, чудо. Мы уже приобрели патент и пустим в производство как «Харди-микро». Есть у вас и другие плюсы: скромность, честность, необходимая жесткость характера и к тому же нет ни жены, ни детей.

– Неужели и это имеет значение?

– И даже большое. Не всякой женщине мы можем предоставить работу, а неработающих жен у нас и так слишком много, особенно на верхних уровнях Дома. Бездетность же – обязательное условие его демографической стабильности. Вы можете влюбляться, сходиться, жениться, но только не иметь детей! Иначе – расторжение контракта и высылка по месту прежнего жительства.

– Меня это не пугает, – засмеялся Майк.

– Значит, согласны?

– Когда прикажете начинать?

– Контракт подпишем сегодня, – ответил Стрэнг. – А выехать вам придется завтра утром из лондонского порта на одном из наших суперкраулеров. Контракт и прочие документы – в этом конверте.

И он передал Майку конверт с гербом «Хаус Оушен компани» – «Домом-волчком» на океанской скале. Майк поклонился и вышел, ничуть не подозревая, какая цепь удивительных и необычайных событий потянется за этим, казалось бы, сугубо деловым разговором.

Глава 2. ВОЛЧОК В ОКЕАНЕ

Суперкраулеры, напоминающие плоскобрюхих китов с закованными в органическое стекло пустым и прозрачным туловищем, лежали прямо на берегу Темзы. Для них не нужно было строить ни пристаней, ни причалов – достаточно широкой искусственной насыпи, окаймленной невысоким забором. Рядом со своими суперсобратьями, рассчитанными на сотни пассажиров и сверхкомфорт путешествия, лежали более скромные надводные стайеры со вместимостью междугородных автобусов. Но и те и другие пересекали Атлантику запросто за два-три часа. Их звуковая и сверхзвуковая скорость, отсутствие качки и абсолютная безопасность путешествия вытеснили к концу века и морские и воздушные лайнеры. Первые переключились на амплуа плавучих гостиниц и санаториев для людей с избытком денег и времени, а вторые – кто на перевозку грузов и почты, а кто попросту стал металлическим ломом.

Харди никого не встретил, кроме хорошенькой стюардессы, указавшей ему место рядом с проходом; он сел и утонул в бархатистом кресле с почти неощутимым из-за мягкости сиденьем и спинкой. Краулер заполнялся быстро, пассажиры не опаздывали. Одни были знакомы друг с другом и перекликались весело непринужденно, другие сидели молча, оглядываясь настороженно и с любопытством. Нетрудно бы-

ло догадаться, что первые возвращались в Дом из служебной или курортной поездки, а вторые ехали дальше – в Бостон, Нью-Йорк или Балтимор. Майк не заметил среди них ни одного бедно одетого человека: его суперкраулер был лайнером для крупных бизнесменов и высокооплачиваемых служащих.

Кто в шестидесятых или семидесятых годах мог представить себе ощущение пассажира суперкраулера? Только профессиональный гонщик на прямой трассе без виражей или военный летчик, идущий на своем сверхзвуковом «Фантоме» на цель. Краулер плавно соскользнул на воду, поднялся над ней беззвучно и пошел, едва касаясь ее курчавых барашков, ловко маневрируя в портовой тесноте. Мелькнули в стекловидной стенке причалы и склады, ажурные башни порталных кранов, гигантские рекламы, подвешенные над берегом, потом все слилось в белый хаос брызг и тумана, словно краулер нырнул в пену Ниагарского водопада. Снаружи он и походил на вспененный водяной кокон, с немыслимой скоростью скользящий над пенным кружевом волн. Да Майк и не мог видеть его снаружи, а изнутри была та же вспененная белая тьма – до конца путешествия.

Неожиданный конец его вырвал Майка из уютной дремы. Неожиданный потому, что это был не конец, а промежуточная рекламная остановка в десяти километрах от Дома, у островка-поплавка с полукруглым обзором, супербиноклями и ресторанными столиками. Огромный даже издали крас-

ный волчок Дома казался единственным мазком волшебной кисти по густой синьке моря и неба.

– Нравится? – спросила стоявшая рядом стюардесса и в ответ на восхищенный вздох Майка продолжала: – Каждый раз потрясает. А смотрю уже в сотый.

– По-моему, островок не так мал. Шире Дома, сказал Харди.

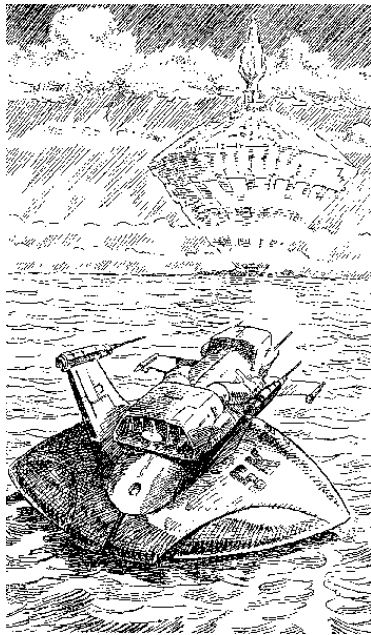
– Все это пристройки. Причалы и морской вокзал. Искусственно расширенная площадь.

– А основание Дома?

– Сто пятьдесят метров в диаметре. Такова же и вышка. А посередине – около двух километров. Зеленые полосы видите?

– Серые.

– Так это издали. А вблизи все это зеленые насаждения. Лесопарковые галереи-кольца. Чем выше, тем шире. Я там была – это невероятно!

Восхищение ее казалось неподдельным, но Майк знал: реклама Дома входила в обязанности каждого сотрудника «Хасу Оушен компани», и потому промолчал. Смотреть на далекий красный волчок, казалось, соединяющий небо и океан, было приятнее, чем слушать рекламную воркотню стюардессы-экскурсовода.

– Он кажется совсем неподвижным, – все же заметил он.

– Только издалека. Будем подъезжать – увидите, как крутится эта игрушка.

Последние десять километров они прошли со скоростью обычного торпедного катера. И с каждым оставшимся позади отрезком пути громадина становилась все больше, заслоня небо и солнце. Сейчас Гулливеров волчок уже не восхищал, а пугал, подавляя своими размерами и почти беззвучным кружением. Сходство с волчком еще более усилилось – ведь любой детский волчок бесшумен, пока не иссякнет энергия вращения. А эта энергия не иссякала, сохраняя один и тот же неизменный ритм, точь-в-точь включенная в розетку бесшумная электробритва. Краулер на искусственном покато причале, ожидавший старта, казался коричневым жучком под красным парасолем художника. Да и красный цвет его вблизи выглядел блестяще-багровым, как еще не высохшая кровь.

Краулер, высадив больше половины пассажиров, ушел к берегам Америки, а Майк с двумя чемоданами – в одном нехитрый скарб холостяка, в другом инструменты и приборы ученого-электронщика – растерянно проследовал, увлекаемый пассажирским потоком, в неширокий проход к бегущей вниз лестнице, похожей на входы в метро и так же уводящей под землю.

Тут его и встретил мужчина – его одноклассник по внешнему виду – сероглазый и рыжий, с еле заметными следами веснушек на упрямо сохраняющем мальчишеский облик лице. Одет он был по-домашнему – в черном свитере без пиджака и мягких туфлях на поролоне.

– Так удобнее, – усмехнулся он в ответ, заметил взгляд Майка и официально холодным тоном спросил: – Мистер Харди?

– Да.

– Ваш коллега по Дому. Джонни О’Лири, диспетчер транспортных линий.

– О’Лири? – переспросил Майк. – Ирландец?

– Только по фамилии. Родился и вырос в Штатах. Сначала в Теннесси, потом в Восточном Мегалополисе, мистер Харди.

– Бросьте «мистер», Джонни. Просто Майк.

Рыжий сразу оттаял и уже совсем другим тоном спросил:

– Впервые в Доме?

– Угу.

– И туристом не побывал?

– Не пришлось.

– Тогда – глаза шире. Не слиняй от любопытства.

Лестница вытянулась лентой и привела в большой круглый зал, отделенный цветным пластиком и нержавеющей сталью. Он замыкался вокруг такого же круглого, массивного и красного стояка с открытыми проходами внутрь. Именно здесь столкнулись два человеческих потока: прибывшие устремились к красным проходам, встреченные – к широким дверям в стене, похожим на ворота скаковых конюшен.

– Спешат к тюбу, – пояснил Джонни, – за три минуты выплнет тебя в Нью-Йорке или Филадельфии.

– Кто спешит? Жители Дома?

– Те, кто здесь не работает.

– А есть такие?

– Немного, но есть. Жители верхних уровней. Крупные дельцы, хозяева маклерских и адвокатских контор, акционеры банков. Наш брат без специального пропуска покинуть пределы Дома не может.

– Та-ак, – протянул Майк. – А куда эти проходы ведут?

– К лифтам. Это основание конструкции Дома.

– Почему же оно не вращается?

– Вращается только надводная внешняя оболочка.

– Зачем?

– Вращение по принципу ионкрафта создает ионизированный поток воздуха, своеобразный «электрический ветер», отбрасывающий атмосферные воздушные потоки. Поэтому Дому не страшны никакие тайфуны и бури.

– Переход от стабильной к движущейся части обеспечивают эскалаторы?

– Конечно. Семь лент, выкрашенных в цвета спектра. Кстати, так же выкрашены и двери лифтов. Семь цветов – семь скоростей от непрерывной лифтовой ленты до лифтов-экспрессов и лифтов – «мгновенников». «Мгновенники» доставят тебя действительно мгновенно в любую часть Дома – вертикальное движение на требуемом уровне сменяется горизонтальным, и ты на месте.

– Так и пешком ходить разучишься.

– Не разучишься. «Мгновенниками» пользуются только в исключительных случаях. А пешеходных дистанций сколько угодно – хоть два часа ходи. Самый дешевый способ.

– Разве лифты оплачиваются?

– Конечно. Специальные компьютеры высчитывают число поездок, определяют стоимость и зачисляют в твою графу расходов.

– Расчетливо, – скривился Майк и переменял тему: – А сейчас куда?

– К тебе. На триста семидесятый. Уровень – экстра-класс. Парк больше нью-йоркского. А этажом ниже – твой департамент; шагай пешком, лифта не нужно. Кстати, учти: «мгновенником» не поедем – спешить некуда, а баловство дорогое. Поедем на сплошной ленте: посмотришь по крайней мере все транспортные связки. И не забывай, что король транспорта – я.

Прошли галерею лифтов, широкую, как городская улица, и пестревшую расцвеченными по спектру дверьми. Выбрали синий.

– Скорость так себе, – пояснил Джонни, – зато все увидишь: шахта прозрачная.

Лифт не то чтобы медленно, но и не очень быстро пополз вверх сквозь высокие – метров до четырех – этажи. Синева двери поблекла и приобрела прозрачность стекла, позволяя увидеть то уголок большого конференц-зала, то магазина, похожего на суперрынки больших городов, то автомати-

ческого машинного цеха без единого человека, но со множеством белых, далеко отстоящих друг от друга дверей («Квартиры», – шепнул Джонни), и коридоры с цветными дверями («Горизонтальные лифты: видишь – половина черная, половина цветная»), и даже настоящий лес с высокими кленами и сосняком («Целых три уровня – Дивись, друг!»), незнакомым подлеском и дорожками, припудренными красноватым песком. А лифт все шел: триста семидесятый этаж – целое путешествие По пути увидели и футбольное поле с довольно высокими трибунами («Тысяч на сорок», – подсказал Джонни), и бассейн с песчаными пляжами под полосатыми тентами от солнца («Искусственного, должно быть», – подумал Майк) и загорелыми купальщиками в плавках и бикини. Наконец лифт затормозил, дверь засинела и раздвинулась, выпустив их на неширокую улицу с ярко освещенными витринами магазинов. Майк тотчас же подметил, что довольно малочисленные прохожие если и заходили в магазин, то на витрины не заглядывались, как это обычно бывает в фешенебельных кварталах больших городов, где покупатели обычно ездят на автомобилях, а пешком прогуливаются, чтобы поглазеть на витринные выставки. Здесь ездили на лифтах, а пешком ходили только для моциона, мысленно отметил Майк, пройдя пятидесятиметровую улицу и свернув в переулочек, напоминающий коридор на океанском лайнере. Одну из дверей его рыжий спутник открыл без ключа, набором цифр на панели, и тут же сбил рычагом цифро-

вой пропуск: «Сам придумаешь». Тем и закончилось вознесение Майка в его трехкомнатный рай на триста семидесятом уровне.

– Почему, кстати, уровне? – спросил он.

– Первая заповедь доминиканца: избегать шаблонов. А ты теперь доминиканец.

– Не понимаю.

– Всех, кто служит Доминику Лабарду на высшем уровне, именуют доминиканцами.

– Моего шефа у Притчардсов звали Тамплем, но тамплиером¹ я не был.

Джонни прикрыл рукой рот Майка и шепнул еле слышно:

– Тсс!.. Ни слова больше, следуй за мной! – и громко добавил: – Все, кто подчинен Доминику Лабарду, влюблен в него безоговорочно. Ты тоже влюбишься.

И, подмигнув Майку, молчи, мол, – увел его в ванную с бассейном из черного мрамора, автоматическим аппаратом для массажа, душами и сушилкой. Он тут же открыл все краны, и ванная наполнилась ревом Ниагары.

– Теперь можно говорить не рискуя, – тихо произнес он, присаживаясь на черный пластиковый табурет. – Кроме шума воды, никто ничего не услышит. А то все и везде здесь прослушивается.

– Микрофоны?

– Микротелепередатчики. И черт знает, где они вмонти-

¹ Доминиканцы и тамплиеры – монашеские ордена у католиков.

рованы. Никто не находит. Должно быть, в стенах: те звуко-сверхпроводимы. Если лет тридцать назад только подслушивали на расстоянии и в любой среде, то теперь научились и подглядывать. Микротелепередатчик зафиксирует каждый твой шаг, слово, жест и даже выражение лица. Тебе, электронщику, лучше знать, как это делается. Даже оставаясь один, ты не можешь быть уверен, что ты в одиночестве, а не под наблюдением парочки скучающих «астрономов».

– Невероятно! – шепотом удивился Майк. – Ведь электронное подслушивание запрещено ООН еще в восьмидесятых годах. Микрофоны и микросъемки исключены даже из методов судебного разбирательства.

– Ты не в ООН и даже не в Штатах. Ты в частном владении. И запомни: рассчитывай каждый свой шаг и взвешивай каждое слово. Ты птичка в роскошной клетке. У тебя работа – не бей лежачего и княжеский гонорар. У тебя ванна – мечта голливудской звезды и лаборатория – рай электронщика, а каждая из сотни кнопочек в столовой и спальне молчаливо вызывает: жми, жми, жми! Нажмешь – и приемлешь все дары электронных данайцев, от слизывающей бритвы «Нежность» до ирландского рагу в чесночном соусе. Кстати, учти: с трехсотого этажа и выше – никакой химии. Все натуральное – и виски, и русская икра. А делать, говорить и думать будешь только по мановению указующего перста папы Доминика. Кроме «папы», впрочем, есть еще и «кардинал» с не менее колоритным именем – Лойола. Правда, не Игнаций, а Педро,

но служителей его именуют, как и положено, «иезуитами». Их трудно отличить от всех прочих, потому что рясы они не носят, а служебный жетон прячут за лацканом. Но будь уверен, что кто-нибудь сейчас прильнул к экрану и удивляется, что это мы так долго делаем в ванной.

И, подхватив совсем уже растерявшегося Майка под руку, Джонни вывел его в квартиру со словами, рассчитанными не на микрофон, а на рупор:

– Суперкомфорт, милок. Быт цезарей. Не мытье, а нега в магометанском раю, только без гурий. Впрочем, гурии тоже будут – увидишь, а мне пора.

Он тихо выскользнул в коридор, еще раз подмигнув на прощанье, а Майк, обалдевший от полученной информации, растерянный и непонимающий, не потянулся ни к одной кнопке, а плюхнулся на диван и уже не вслух, а про себя отчаянно выдохнул: «Влип!»

Глава 3. «Я ХОЧУ ЖИТЬ!»

Утром он попробовал кнопки. Все сработало. И выстиранное, отутюженное белье, положенное накануне в белый пластмассовый ящик, и вкусный завтрак, и рюмка коньяку для бодрости. Автоматический механизм сменил и старые полуботинки на новые, более современные и изящные, из натуральной кожи. «Никаких заменителей» – видимо, такова была программа здешней потребительской автоматики. Но Майку вспомнились и слова Джонни о том, что с трехсотых этажей никакой химии. А до трехсотых? Что предлагала автоматика там?

Надо было спешить в диспетчерскую, но Майк не воспользовался «мгновенником» у себя в холле – обычная лифтовая кабина на двух человек, кнопочная панель с цифровым набором, нержавейка и пластик. Он пошел пешком – надо же соблюдать «пешеходную дистанцию». На этот раз она привела по коридору к мраморной лестнице, застланной иранским ковром, спустила на этаж ниже и вывела на диспетчерскую – анфиладу холлов с раздвижными дверями разного цвета. У диспетчерской Майка был голубой с синим номером «36» и фамилией в металлической рамке. Место фамилии было пусто: его предшественник уже снял свою. Кстати, Майк так и не узнал ее и чувствовал себя неловко, пройдя автоматически пропустившую его дверь. Но встретивший его за ней

широкоплечий американец с каменно-неподвижным, точно вырубленным из розового туфа лицом, холодно пришел ему на помощь.

– Роджер, – представился он. – Входите не стесняясь, мистер Харди. Давно жду. И нетерпеливо.

– Почему нетерпеливо? – переспросил Харди.

– Долгий разговор, – отмахнулся Роджер. – Может быть, мы и вернемся к нему, а может, и нет. Сейчас же принимайте хозяйство.

Майк осмотрел большой зал, не очень высокий – метра четыре-пять, не больше – с невидимым, но достаточно сильным источником света, дневного, как и всюду. По стенам тянулись блоки компьютеров со входными и выходными каналами, перфорационными лентами, вспыхивающими и потухающими глазками различных цветов, огромными, средними и совсем крохотными экранами с непрерывавшимся движением зубчатых и волнистых, тоже Цветных линий и скользящими вдоль стен платформами управления. Все это было уже знакомо, предстояло лишь разобраться, как говорится, что к чему где видеофонная и телевизионная связи, где лучевая, где блокирующая автоматика и контрольные пункты. Вскоре Майк с помощью Роджера установил все без труда, но и без энтузиазма.

Роджер сразу же это заметил. Его каменное лицо чуть оживилось улыбкой, насмешливой, но все же улыбкой.

– Первый раз вижу новоиспеченного доминиканца с такой

кислой рожей.

Майк равнодушно пожал плечами:

– Я конструктор, а не регулировщик.

– Пленились гонораром?

– Отчасти. Да и выхода у меня не было. Они же купили

Притчардсов.

– У меня тот же случай. Купили «Чикаго электроникс», а заодно и меня.

– Пять лет назад?

– Три.

– Платите неустойку? – удивился Майк.

– Получил наследство, вот и плачу. И если бы вы знали, с каким удовольствием! Впрочем, погодите, не спрашивайте. – Он извлек из кармана какой-то микроприбор и взглянул на стрелку крохотного циферблата: она не двигалась. – Не подслушивают, – удовлетворенно заметил он. – Правда, я поставил условие, чтобы убрали все микрофоны из диспетчерской. Но кто их знает? Ухожу почти со скандалом. С неустойкой! Первый случай в их практике. Насилу уговорили, чтоб вас подождал.

– Неужели так плохо?

– Хотите виски? – вместо ответа спросил Роджер, кивнув на бар у стола. – Приют алкоголика, – усмехнулся он, наполняя бокалы. – И вы станете через год таким же. Все зависит...

– От чего?

– От процента человеческого достоинства. Если оно у вас есть.

– Я уже кое-что слышал, и, честно говоря, услышанное не вдохновляет.

– От кого слышали?

– Не важно.

Каменный Роджер снова засветился улыбкой, на этот раз совсем не насмешливой.

– Хвалю. Вы, кажется, стоите того, чтобы вам открыли глаза.

– На что?

– На седьмое чудо уходящего века. С душком чудо. Смердит.

– Чем?

– Всем. А главное – парадокс обеспеченности и унижения. Обеспеченность максимальная, жизненный уровень выше, чем в Штатах, и платят в два раза больше, и в три раза – чем в Европе. Нет ни забастовок, ни трудовых конфликтов, и профсоюзов нет, так что и пожаловаться все равно некому. Развлечения дешевле выпивки – стриптиз-бильярдные, бары и кино на всех этажах. Телевизоры принимают все программы Мегалополиса. А через каждые десять этажей – стадион или ринг, все виды спорта, от коньков на искусственном льду до тенниса на травяных кортах. Хотите билеты на матч века между тяжеловесом Дома Клайдом Биггерсом и чемпионом Восточного побережья Штатов Джимми Мердоком –

нажмите кнопку под титром ФД. А здешние ЭВМ подсчитывают не только плату за телесвязь и видеофонную трепотню, но и за каждый ваш жест, подлежащий оплате. За кнопочные завтраки и души Шарко, за свежее мыло в ванной и пьяное изобилие в ресторации за углом. А когда наступит день полочки, сумма вычетов может свести ее до нуля. И пойдет жизнь взаймы, в неоплаченном долгу у «Хаус Оушен компани», потому что кнопочные радости стоят не дешево. А цены на квартиры, в особенности на верхних этажах, так высоки, что оплачивать их могут только миллионеры. И представьте – платят. Работают в своих банках, маклерских конторах или адвокатских офисах в Нью-Йорке и Вашингтоне и ездят сюда на уик-энд – еще бы: Хаус, седьмое чудо, океанский простор и парки, повисшие над пенистой пропастью.

– Много платят – дорого берут. Закономерно, – пожал плечами Майк. – Где ж унижение?

– А то, что вы никогда не остаетесь один. То, что каждое ваше слово фиксируется и записывается, потом производится соответствующая селекция и составляется досье, полностью определяющее ваш духовный портрет. С неподходящими контракта не возобновят, критиканов уберут с соответствующим иском, который адвокаты Дома всегда выигрывают. Существуют и местные наказания: «иезуиты» чрезвычайно изобретательны. Кстати, возьмите вот этот приборчик. Когда захотите поговорить откровенно, проверьте: движется стрелка – значит, подслушивают.

– Зачем им это? – недоумевал Майк. – Ведь сюда же приходят добровольно.

– Но добровольно не уходят. Долг погашается отработкой в кредит. В идеальном «обществе потребления» Дома кредит доведен до магии. Он – кнут и пряник. На верхних этажах равняет с миллионерами из Майами, на нижних этажах закабалает, как бессрочное долговое обязательство.

– Ад и рай, – улыбнулся Майк.

– Не смейтесь. Только рай – как в театре с партером и галеркой. На нижних, «производственных» этажах, где находятся все промышленные предприятия Дома, – то же кнопочное, только уцененное изобилие. Жратва – химия, выпивка – пойло, развлечения – верблюжки радости.

– А если бунт?

– Какой? Забастовка? Рабочая аристократия не бастует.

– Пассивное сопротивление. Никудышная работа, например. Пусть увольняют.

– Кому выгодно увольнение с судебным иском. К тому же каждый работник Дома – его акционер и заинтересован в росте прибылей. А никудышную работу изобличит машина.

– Можно же найти какую-то форму протеста?

– Нельзя. Вы всегда будете в проигрыше. Почта перлюстрируется. Видеофонная связь только в пределах Дома. Отпуска запрещены – это оговорено в контрактах. Тюб закрыт. Ни один краулер не возьмет на борт работника Дома. А будете надоедать – с вами может случиться несчастье. Здесь

есть и крематорий для таких неудачников.

Майк помолчал, подумал и сдался:

– Действительно – магия.

– И самая черная. Со своими «тайнами мадридского двора». Я как-то попробовал вычислить на машине, где и по каким признакам распределяется трехмиллионное население Дома. Оказывается, два миллиона восемьсот тысяч с лишним работают в системе его предприятий, промышленных и торговых. Более полутора ста тысяч – в Штатах или вообще нигде, только живут здесь, как на курорте. Что делают остальные несколько тысяч жителей Дома, компьютер не знал: не было входных данных, никакой, по существу, информации. Спрашивается: где же они работают, если не покидают пределов Дома, и куда исчезают с восьми утра до шести вечера?

– А вы не обращались с таким вопросом к шефу «доминиканцев»?

– Я хочу жить.

Либо Роджера давно уже утратило свою неподвижность, губы дергались, зубы то стискивались до судороги в челюстях, то нижняя челюсть бессильно отваливалась. Он выпил, не разбавляя, еще бокал виски и тихо закончил:

– Я потому и удираю отсюда, что проник в эту тайну. Они не тронут меня, если я буду молчать. Поэтому не спрашивайте меня ни о чем. Считайте, что разговора не было.

В наступившей тишине вдруг шелкнула входная дверь,

и низкий женский голос спросил больше по привычке, чем по существу: «Можно?» Дверь тут же открылась, пропустив миловидную девушку, больше похожую на итальянку или испанку, чем на американку из северо-восточной группы Штатов – ни безукоризненной прически, ни косметически оформленного лица, ни спортивной спины, как у девушек из колледжа. Стриженная по-мальчишески голова, пряди черных волос заложены за уши, неподкрашенные глаза и губы, и только большие темно-синие, как сливы, глаза заставляли вас обратить внимание на это лицо. Майк не был исключением. Внимание он обратил сразу и замер на полуслове.

– Вы уезжаете, Роджер? Завтра, да? – спросила она, даже не взглянув на Майка, словно его и не было рядом.

– Увы, – вздохнул Роджер.

– Сдались? Еще один трусивший гладиатор.

– Сдался. Красе сильнее. А Спартака у нас нет. Может быть, он? – Роджер искоса и с улыбкой взглянул на Майка и сказал; – Познакомьтесь, Полетта. Мой сменщик Майк Харди, и, кажется, стоящий парень. Я в людях редко ошибаюсь, вы знаете.

– Полетта Лабард, – сказала девушка, глядя неподвижно и строго.

– Лабард? – удивился Майк. – Однофамилица?..

– Не однофамилица, а приемная дочь, – перебил Роджер, – и учтите, Харди: она хотя и личный секретарь своего приемного папочки, но отнюдь не разделяет его взглядов на

Дом и, пожалуй, на жизнь. И еще одно учтите: папочка пока не знает, с кем дружит и кому помогает его приемная дочь. Несмотря на все микрофоны.

– Их нет только у отца и Лойолы, – сказала Полетта.

– Гений с причудами, – добавил Роджер. – Зовут его Доминик – он придумал «доминиканцев», нашел Лойолу – создал «иезуитов». А это – четыреста пятьдесят шерифов и тысячи тайных и явных агентов, утверждающих власть магистра. И всех влюбил в себя – от Лойолы до Грэгга с Хенесси.

– Не влюбитесь и вы, – пригрозила Майку Полетта. – У Доминика огромное обаяние ума и таланта. Кстати, вы сегодня же и познакомитесь с ним на проводах Роджера. Официально вас приглашаю. Четырехсотый этаж, внешний парковый ресторан. Любой информарий выведет. Будете?

– Сочту за честь, – сказал Майк.

Глава 4. МАГИСТР ОРДЕНА «ДОМИНИКАНЦЕВ»

В семь вечера Майк в белом смокинге, как это было принято на курортных приемах, воспользовался «мгновенником», и через полторы-две секунды неизвестно откуда возникшая воздушная волна мягко вытолкнула его из клетки лифта на внешний перрон четырехсотого этажа. Мимо него с возрастающей скоростью двигались одна за другой семь эскалаторных кольцевых дорожек шириной в три метра каждая. Все кольца до последнего паркового, двигавшегося уже вместе с внешней оболочкой Дома, были выкрашены, как и клетки лифтов, в последовательные тона спектра, от фиолетового до красного. На парковом вас встречал газон, переходящий в кустарник, а затем, как на лесной опушке, в рассыпной строй деревьев разных видов. Каштан соседствовал с белой акацией, а, магнолия – с североморской сосной. Быстрота движения здесь совсем не ощущалась, настолько гладким и плавным было скольжение этой стометровой в поперечнике, удивительной по красоте лесного ансамбля внешней парковой полосы.

На перроне и движущихся кольцевых дорожках было довольно много народу. Поражало только отсутствие пожилых и детей, обычно преобладающих в лондонских парках. Здесь

же преобладали тридцати – и сорокалетние, едва ли старше. Должно быть, шли на вечернюю прогулку парочками и группами поглазеть с высоты двух километров на океанский простор или поужинать в ресторанах и барах, растянувшихся кругом по внешней опушке леса.

Дорогу Майк не искал. Уже первый попавшийся информационный киоск-автомат указал ее мелодичным, записанным на магнитную пленку голосом. Пешеходная дистанция и тут не оказалась слишком утомительным терренкуром. Ресторан под туго натянутой полимерной пленкой раскинулся совсем близко, прямо на траве среди цветников и кустарников, а кроны деревьев опускались над столами, днем даруя спасительную тень от субтропического солнца, а вечером – неяркий рассеянный свет от скрытых в их зелени электрических лампочек. «Умеют работать и жить», – восхитился Майк, забыв о предупреждениях Джонни и Роджера. Они оба в таких же, как и у него, белых смокингах ничем не напоминали утренних мизантропов. Сидели за столом у края кольца над двумя километрами пропасти, отделенные от нее лишь тонкой прозрачной пленкой, которую, однако, не пробил бы даже средний артиллерийский снаряд, а широкая лента можжевельника и травы столь же надежно отделяла их от соседних столов, создавая иллюзию вечернего пикника на лесной лужайке.

– Майк Харди, – представил его Роджер, и все, кроме Полетты, встали, церемонно склонив головы в знак уважитель-

ного внимания.

«Грэгг», «Лабард», «Фрэнк», – услышал в ответ Майк.

– Ну, вот и опять встретились, старина, – небрежно откликнулся Джонни.

Полетта только подняла и опустила ресницы, а одутловатый человек в морском кителе с золотыми нашивками ничего не произнес, не взглянул даже, а просто встал, поклонился и сел, прислушиваясь к происходящему.

– Я особенно рад, что на этот раз к нам прибыл «доминиканец» из Англии, – сказал Лабард. – Скоро весь мир будет представлен в элите нашего Дома.

За столом он был бесспорно самым заметным и примечательным. И внешне – в белом фраке и лиловом жилете, с давно вышедшими из моды волосами до плеч, и внутренне – с гипнотическим взглядом немигающих глаз, повелительными интонациями баритонального голоса и темной, тяжелой силой каждого сказанного слова. Все в нем привлекало сразу, покоряло и притягивало, подавляя сопротивление. В свои пятьдесят лет он казался еще совсем молодым, полным сил, готовых развернуться, как сжатая стальная пружина. Остальные невольно отступали перед ним, как бы уходя в тень. Педро Лойола, натурализовавшийся мексиканец с животом-мешком, выпирающим из-под бортов его псевдоморского кителя, с действительным или показным безразличием молча посасывал ледяной кофе с мороженым.

Фрэнк, родной брат Полетты и, кстати, очень на нее похо-

жий, оказался коллегой Майка – управляющим блоком химической автоматики. «Король нашей химии», – представил его Лабард, безраздельно владевший разговором. Даже Грэгг, суховатый и седовласый владелец контрольного пакета акций «Хаус Оушен компани» и фактический босс Лабарда, ни разу не перебил его.

– Вернемся к Роджеру, – говорил Лабард. – Я все-таки не понимаю, почему вы расторгаете контракт. Мы нарушили его? Нет. Вас обсчитывали? Тоже нет. Вы имели здесь больше, чем любой равный вам инженер на континенте.

– Вы же знаете, – поморщился Роджер, – наследство позволяет мне создать собственную лабораторию в Штатах.

– А разве здесь у вас ее нет?

– Трудно сообразить что-либо путное после дежурства в диспетчерской.

– Вы цените деньги, Роджер. Ваш счет у нас чист: ни цента долгу. И вы с легким сердцем выплачиваете нам прожиточный минимум остальных лет. Двух лет. Где же логика?

– Логика в свободе капитала, Лабард, – неожиданно вмешался Грэгг. – Насколько мне известно, сумма наследства Роджера вполне позволяет ему рискнуть неустойкой.

– Не верю, – встряхнул длинными волосами Доминик. – Это не свобода капитала и не свобода времени. Это освобождение от нашего общества. Вы не любите Дом, Роджер.

– Что подтверждают и мои данные, – как бы вскользь, никому не глядя в глаза, бросил Лойола.

«Вы правы: не люблю, – хотелось крикнуть Роджеру, – и жажду свободы. От страха, от сыска, от невидимого и неслышимого насилия». Но он промолчал. Лабард знал, что говорит.

И тут подняла ресницы Полетта.

– А за что ему любить Дом, Доминик? За электронные развлечения Лойолы? За свободу его «иезуитов» открывать наши комнаты и рыться в наших бумагах? О какой свободе идет речь? Я не могу без специального разрешения воспользоваться ни краулером, ни тубом. Это я. А Роджер? А Джонни? А Майк? Не рассчитывайте, Майк, на морские прогулки и летние отпуска. Здесь не заинтересованы в свободе ваших передвижений.

Доминик Лабард побледнел, замер, машинально согнул серебряную вилку, но сдержался.

– Не знал. Моя дочь переходит в оппозицию.

– Две неправды, – откликнулась Полетта. – Первая: я помогаю, а не мешаю вам. Как секретарь я бы удовлетворила даже Лойолу. И вторая: я не ваша дочь.

– Приемная, Полетта. Но что это меняет? Я вырастил тебя, как родную дочь.

– Котенка тоже можно вырастить, Доминик.

– Полетта права, – поддержал сестру Фрэнк. – Вырастить и воспитать еще не значит отнять право мыслить по-своему.

Семейный спор, думал Майк. А пожалуй, это не только спор, но и расхождение во взглядах, скрытая, но уже обна-

руживающая себя враждебность. Ведь Полетта не случайно дружит с Роджером, а отношение Роджера к Дому уже известно. И Джонни хотя и молчит, только губами поводит, словно резинку жует, но явно сочувствует и Полетте и Фрэнку. Значит, в Доме действительно есть оппозиция его главе и создателю, и Доминик, вероятно, об этом догадывается, а Лойола наверняка знает. Тогда Лабард должен дать бой своим скрытым противникам, дать бой именно сейчас, чтобы завоевать Майка, потому что именно сейчас Майк должен решить, примкнуть ли ему к оппозиции или остаться нейтральным. Ведь пять лет впереди уже отнял контракт, а у него нет наследства, чтобы выплатить неустойку, а может быть, сейчас Лабард преодолет его сомнения.

И Доминик, словно прочитав мысли Харди, повел наступление, как адвокат, убежденный в правоте подсудимого, расчетливо и вдохновенно.

– Не любить Дом нельзя. Все, что о нем писали как о чуде, – правда, и я не стыжусь напомнить об этом. Я убежден, что это и вершина демографической мысли. Вообразите себе моря и океаны мира, застроенные тысячами таких домов. Островов хватит. Бермуды, Багамы, Гавайские, Соломоновы – мало ли их? А ведь такому дому-городу нужна только скала размером не больше футбольного поля. Все население Земли можно будет разместить в этих океанских волчках – пять десять, двадцать пять миллиардов. Не страшен никакой демографический взрыв, никакая перенаселенность. На

Земле останутся – я имею в виду сушу – только опустевшие города-музеи, свидетельство прошлого нашей цивилизации, охотничий рай лесов и поля – сельскохозяйственная кухня планеты. Воскреснут изобилие викторианских житниц, романтика древних странствий по миру и цветущая прелесть природы, не тронутой человеком. Давайте, Грэгг, строить такие дома по всем архипелагам мира. Вкладывайте в них свои миллиарды – выручите триллионы. Станете вместе с Хенесси властителями единого мира!

– А кто объединит этот мир, Доминик? – тихо спросил Грэгг, отхлебнув разведенный виски из бокала со льдом. – Кто объединит наши страны и нации, перекроит их экономику, сплавит политику и перелицует быт? Социалистическая система? Едва ли это устроит нас с вами. ООН? Что-то не верится. Мировая война?

– А вдруг?

– Тогда мы назначим вас фельдмаршалом, – засмеялся Грэгг. – Вы неисправимый мечтатель, Доминик. Прямой потомок ламанчского рыцаря. Живой анахронизм. Нет, мой друг, имеется другой, куда более реальный проект.

– Какой?

– Дом станет еще одним американским штатом. В ближайшие месяцы мы попробуем войти с этим предложением в сенат. Прямая выгода для Дома и для государства. Дом становится административной государственной единицей, а государство приобретает выдвинутую далеко в океан мощную

оборонную базу. Ну а мои миллиарды, Доминик, право, реальнее и прочнее ваших триллионов.

Сжатые губы Лабарда чуть-чуть скривились. В усмешке? Не к месту. Но Майку все же показалось, что он смеется, беззвучно, одними глазами, но смеется откровенно и не стесняясь.

– Штат? – повторил он. – Это мало. Очень, очень мало для Дома – только один штат.

Он поднялся и, не прощаясь, пошел к выходу – высокий, длинноволосый, в белом фраке, точь-в-точь дирижер симфонического оркестра где-нибудь во Флориде.

Глава 5. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Первая запись

В ноябре, на пятый месяц моего пребывания в Доме, я начал вести дневник. Не часто и не регулярно, потому что времени было мало, да и дело это не легкое. Пишу не на бумаге, которую можно прочесть и которую негде спрятать, а на магнитной нитке, тонкой, как шелковинка, и прочной, как нейлоновый шнур. Для сохранности и безопасности наматываю ее на пуговицы своего двубортного пиджака – никакая «иезуитская» слежка не обнаружит. Пока закончил две записи, третью начал и ночами в уборной прослушиваю их на крохотном магнитофоне, вмонтированном в старый агатовый перстень. Раньше он без дела валялся – забавная поделка, а теперь ношу его не снимая. Агат отвертывается, нитка закладывается в отверстие, и, приложив к уху, можно отчетливо слушать запись.

Поначалу я подробно рассказал о Доме, о его кнопочной роскоши и неограниченном потреблении, о лифтовых экскурсиях по этажам-уровням и прогулках по «улицам» с искусственным видом на океан, о сверххрынках и универма-

гах-гигантах, где можно приобрести в кредит все, что жадно ухватит глаз, от пачки сигарет до миниатюрной пластинки, исполняющей целую оперу или симфонию на проигрывателе, втиснутом в зажигалку или пудреницу. Казалось, капитализм создал здесь модель идеальной стадии «постиндустриального общества потребления», но я, даже не будучи ни коммунистом, ни просто знатоком и почитателем Маркса, все же разглядел, что разрекламированная золотая цепь уже на изломе. В дни получек редкие «акционеры» Дома – а мы все считались таковыми, получая годовые премии в несколько акций на брата, – радовались двум нулям на листке своего текущего счета. Первый – в графе дневной разницы между прожитой и заработанной суммой, второй – в графе месячной или годичной задолженности. Неизменная тенденция ее роста в конце концов превращала пятилетний контракт в семи – или восьми-, а то и десятилетний, а «преуспевший» таким образом акционер «Хаус Оушен компани» мог купить себе свободу лишь ценою приобретенных акций, да и то, если задолженность не превышала их суммы.

Любопытно, однако, что на нижних этажах – в цехах, мастерских, лабораториях и офисах Дома – почти никто и не жаловался на его порядок. Молодые, здоровые парни, завербованные во всех странах, у себя на родине считались редкими и высокооплачиваемыми специалистами. Здесь же неограниченное потребление и королевские траты превращали их в лунатиков, бредущих с закрытыми глазами по кар-

низу американского небоскреба. В личные карточки текущего счета они даже и не заглядывали. Зачем? Ведь общество здесь предоставляет им жизнь взаимы по образу и подобию миллионеров, пока они не постарели. А перспектива одинокой голодной старости мало кого тревожит в тридцать или сорок лет. Кто похитрее, сколотит все-таки капиталец, но хитрых не так уж много в трехмиллионном обществе Дома, а если они и находятся, то могут смело украшать обложки журналов как живая реклама «постиндустриальной» идиллии Дома.

С обитателями его верхних этажей, за исключением друзей и связанных со мной по работе лиц, я почти не общался. Миллионеры и мультимиллионеры жили обособленно, позволяя своим банкирам оплачивать любую задолженность. А потребление здесь на трехсотых и четырехсотых уровнях стоило много дороже, чем на любом мировом курорте, за исключением плавающего острова Майами Флай-Айленд. Конечно, как и во всяком богатом городе, этот суетный, праздничный сброд был смешан и перетасован, как карты в колоде, где рядом с финансовым тузом ловчил в баккара мелкий червонный валет. С некоторыми из них был знаком и я, чокался в барах, обменивался визитными карточками, курил свои или чужие сигары. Но ни один из них даже издали не подвел меня к тайне, которая заставила бежать Роджера.

Именно сейчас я и включаю свой потаенный магнитофон, еще и еще раз вслушиваясь в слова дневника. Не ошибся

ли я, не пропустил ли чего-нибудь, не усмотрел ли в чьих-то словах какого-нибудь хоть и далекого, но важного для меня намек. Оппозиция? Да нет же здесь никакой оппозиции. Есть несколько горячих голов, возмущенных диктаторскими замашками Доминика Лабарда и электронным сыском Лойолы. Они искренне восстают против материального благополучия человека, если оно приводит к морально-этическому бесправию. Но ни один из них не знает рецепта, как исправить это унижительное положение, и каждый по-своему относится. Для Фрэнка и Полетты это всего лишь результат болезненно растущего пагубного властолюбия их приемного отца. Даже Джонни относится к нему с философским равнодушием: меня лично это не задевает, стерплю, погашу задолженность и нищим, как приехал, уеду. Роджер в такой же ситуации сбежал еще раньше. Но он знал больше всех и – главное – знал тайну, так смертельно его напугавшую. Вот брошенную им перчатку и поднял я, твердо решив, что пяти лет достаточно, чтобы раскрыть карты властителей Дома и сыграть с ними в свою игру. В такой игре могут участвовать и газеты, всегда падкие на сенсацию, и общественность, которую иногда можно разбудить от спячки.

Автоматическому сыску Лойолы я противопоставил свой, индивидуальный, прибегнув так же, как и он, к электронике. Обнаружив, что мой крохотный, вмонтированный в корпус ручных часов телевизор полностью дезорганизует прием микротелепередатчиков, я подарил его Лойоле, который

обрадовался ему, как ребенок новой игрушке. Взамен я получил «иезуитский» значок-пропуск, который облегчал мне пешеходные и лифтовые экскурсии по Дому. Все микрофоны в лаборатории я подавил с легкостью, не опасаясь агентов Лойолы.

Для через два он меня спросил:

– Это ваш ручной телевизор подшучивает над микропередатчиками?

– Конечно, – признался я невинно. – Я уже сконструировал еще один.

– Примем к сведению. – Лойола сморщился, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. – Только больше никому не дарите, а то всюду, где появляюсь я, микропередатчики слепнут и глохнут.

Но свой телевизорчик я сконструировал иначе. Он мог работать и на другой волне, лучше, чем всякая микротелевизионная связь Лойолы, хотя и в том же дециметровом диапазоне, рассчитанном на пределы Дома. Помимо обычных телевизионных программ из Штатов, которые можно было принимать с помощью дополнительной приставки, мой телевизор-крошка принимал и сигналы двух микротелепередатчиков, которые я собирался тайком установить у Доминика и Лойолы.

Моя страсть к конструированию электронных микроагрегатов потихоньку превращалась в некую манию, хотя и вполне последовательную.

Фрэнк посмеивался:

– Ты становишься техническим гением сыска...

Смех смехом, конечно, но мой «технический гений» давал свои – и вполне пригодные к делу – плоды.

Я сконструировал еще два миниатюрных оружия: электронную отмычку, безотказно открывающую все виды замков, даже с цифровыми наборами, и электронный пистолет, бывший на двадцать метров крошечными ампулами с мгновенно усыпляющим газом, несколько миллиграммов которого полностью выводили человека из строя минимум на два часа. Газ мне достал наш «король химии» Фрэнк, он же отлил и «патроны» из тончайшего стекла, разлетающегося в порошок при ударе о любое препятствие. Пришлось сконструировать такой же пистолет и для Фрэнка.

Свой я вмонтировал в перстень, который, в отличие от магнитофона с агатом, носил уже на другой руке, причем вмонтировал очень хитро: при повороте камня вправо открывался стреляющий агрегат, а при повороте влево – диск лучевого видеоискателя. То был крохотный план Дома, увеличенный с помощью миниатюрной лупы до трех сантиметров в диаметре, с красной точкой, скользящей во всех направлениях и позволяющей сразу установить, где находится лицо, с ней совмещенное. Этим лицом был Лойола, которому я незаметно, но прочно клеил в шеврон позолоченную бисеринку. Она и управляла движением красной точки на видеоискателе, показывая, куда шел Лойола и где он задер-

живался.

Четыре месяца работал я над своим электронным вооружением. В ноябре привел его в действие. Первый микротелепередатчик мы с Полеттой установили в кабинете Лабарда, находившегося в это время в Нью-Йорке. Не обошлось и без трудностей. Лабард был слишком искусным инженером, чтобы не обнаружить без выдумки установленный агрегат. Но мы придумали. Во-первых, он не нащупывался обычными средствами магнитного поиска, а во-вторых, в глазу бронзового Вольтера на книжной полке его не нашел бы сам Шерлок Холмс. Глаз высверлили и заделали так, что швы не просматривались и в лупу. А придя домой, я опробовал фокус: на экране моего ручного телевизора сразу же возникла улыбающаяся Полетта и часть стола с креслом Лабарда. «Ау, – засмеялась Полетта, – мы уже на крючке».

С Лойолой все оказалось сложнее: пришлось ждать, когда я ему понадобится.

– Устрой мини-аварию с выводом из строя телевизионных контактов, – предложил Джонни. – Сумеешь?

– А чинить он пригласит электронного Яго.

– Бальца?

– Может быть, Флетчера.

– Предоставим обоим Полетте и Фрэнку. Кто откажется от выпивки за чужой счет?

– Бальц непьющий.

– Зато он равнодушен к Полетте.

И в один, как говорится, прекрасный день авария телеконтактов в кабинете Лойолы совпала с жестоким похмельем Балъца и Флетчера. Я ждал видеофонного вызова. И дождался.

– Подымитесь ко мне, Харди. Что-то с контактами. Для вас это задачка из школьной практики.

Я поднялся с инструментом. Что-то вскрыл, что-то сдвинул, что-то нажал. Лойола не отходил от стола, видимо не рискуя оставить меня одного, хотя сейф был заперт сложнейшим электронным замком, телеэкран закрыт наглухо замкнутой шторкой. Но, должно быть, что-то в кабинете Лойолы все же заставляло его держаться настороже.

Именно тогда и прожужжал зуммер видеофона. Заговор действовал: Лабард по настоянию Полетты вызывал Лойолу для срочной беседы. «А если по видеофону?» – нехотя протянул Лойола. «Не спорьте, Педро, – услышал я голос Лабарда, – тем более что вы не один». Молодец Полетта, все учла!

– Вам долго еще возиться? – недовольно спросил Лойола.

– Минут пять-десять самое большое.

– Закончите – уходите. Дверь за вами сама закроется.

Я остался один. Контакты соединил мгновенно. Нашел место для телепередатчика, вмонтировав его в раму портрета Лабарда, висевшего как раз напротив письменного стола. Прибор был настолько мал, что не прощупывался там ни рукой, ни зондом, а магнитный песок его обнаружить не мог. Затем я быстро, стараясь ничего не упустить из виду, обо-

шел кабинет. Никаких секретов. Только две лифтовые двери у входа буквально пригвоздили меня к месту. Два «мгновенника». Почему два? У одного синяя дверь отличалась от своей соседки красной полоской у ручки. Зачем? Куда мог привести этот лифт? И не из-за него ли Лойола так не хотел оставить меня одного в кабинете? Я повернул камень перстня: красная точка остановилась в апартаментах Лабарда. Времени хватит, беседа шефа «иезуитов» с Домиником по милости Полетты займет не менее получаса. И я рискнул, хотя и понимал, что риск может стоить жизни.

Сначала нажал ручку двери с красной полоской. Дверь открылась легко и бесшумно. Обыкновенная лифтовая кабина для мгновенного продвижения по Дому. Рискнул войти – ничего страшного, все на месте. Никаких панелей и указателей, кроме красной стрелки вниз на пусковой кнопке. Дверь, как и у всех «мгновенников», автоматически закрылась. Оставалось только нажать кнопку. Я еще раз взглянул на застывшую на месте красную точку: значит, Лойола все еще сидел в кабинете Лабарда. Р-раз! И кнопка легко сдвинулась вглубь.

Лифт без толчка, мягко и плавно переместил меня куда-то. Автоматически открылась дверь, оставив кабину на месте, как и у всех «мгновенников». Значит, путь назад оставался открытым, если только лифт не вызовут до моего возвращения. Я оглянулся: синий холл с белой одностворчатой дверью, по которой периодически пробегала огненно-крас-

ная надпись:

ПРЕДЪЯВЛЯЙТЕ КРАСНЫЙ ПРОПУСК!

Красного пропуска у меня не было – я даже не мог открыть двери, чтобы не нарваться на охранника. Вместо этого я только отдернул лацкан пиджака, открыв для обозрения бляшечку «иезуита». Я знал, что нахожусь под невидимым наблюдением с той секунды, как открылась лифтовая дверь. И не ошибся. Прозвучавший ниоткуда хриплый басок насмешливо спросил:

– Пропуск забыл? Сегодня – красные. Учти, чучело!

Ничего не оставалось, как немедленно ретироваться в кабину, кстати тут же закрывшуюся. На этот раз уже без нажима кнопки «мгновенник» доставил меня обратно с тем же комфортом. Я взглянул на красную точку в перстне: она медленно двигалась назад и вперед в миллиметровом диапазоне. Значит, Лойола расхаживал по кабинету Лабарда, в чем-то его убеждая. Порядок. Я тихо открыл дверь лифта и вышел из кабинета, чуть позвякивая инструментом в сумке. Секретаря у Лойолы не было, дверь его открывалась только для тех, кто предварительно сговаривался по видеофону. Поэтому, никем не замеченный, я спустился в лабораторию, тут же включив свой миниатюрный видеоскоп.

Я увидел Лабарда в кресле и стоящего перед ним Лойо-

лу. Крохотный размер фигурок не мешал мне – я видел их такими, какими знал. Телевизор включился когда Доминик уже заканчивал:

– Лучшее время – канун Нового года. Точнее, даже самый час встречи. Лучшее место – салон Грэгга и Хенесси. Там мы их и замкнем со всей ярмаркой. Полный набор миллионеров с Мегалополиса. А ты почему нервничаешь?

– Я оставил Харди одного в кабинете.

– Ну и что?

– А вдруг он обнаружит второй «мгновенник»?

– В крайнем случае спросит, зачем он тебе понадобился.

– Жаль потерять такого специалиста.

– Почему же его терять?

– А если он найдет спуск в преисподнюю?

– Харди достаточно умен, чтобы не лезть туда без разведки.

Наивный Доминик! Он преувеличивал мою осторожность. Впрочем, он тут же набрал требуемый номер на панели видефона. Я не видел экрана, но услышал чуть приглушенный двойным контактом молодой голос:

– Я вас слушаю, сэр.

– Кто-нибудь сейчас спускался по лифту «А»?

– Я только сейчас сменил дежурного, сэр. При мне никаких происшествий не было, а в книге записей обе графы пусты.

Вероятно, сменившийся дежурный не счел мое появление

достаточно важным, чтобы вносить его в книгу записей. А перед уходом глотнули по стаканчику со сменщиком и забыли обо всем. Вот уж везет так везет!

– Все спокойно, Педро, – вновь услышал я бархатный голос Лабарда, – тайна блистона – все еще тайна. Пока. – Застучали деревянные дощечки: он смеялся.

Лойола молча поклонился и вышел. Я выключил телевизор. Колени у меня дрожали, как у человека который едва не попал в аварию.

Блистон!

Вот она, тайна Роджера. Я не раз удивлялся его негодованию против электронного сыска Лойолы. Ведь система электронного подслушивания и подглядывания существовала по крайней мере уже полстолетия. И мы, электронщики, только тем и занимались, что варьировали и совершенствовали микрофоны и микротелепередатчики. В конце концов, даже в Америке электронной охоте за чужими секретами был положен предел законодательным вмешательством Конгресса. Но в промышленности эта охота процветала по-прежнему, и напрасно негодовал Роджер: в его нынешней «собственной» лаборатории в Штатах сейчас, наверное, уже внедрены кем-нибудь такие же микротелепередатчики.

Нет, здесь они действовали не столько для охоты за чужими тайнами, сколько в целях сохранения одной-единственной тайны, неизвестной, судя по разговору Доминика с Лойолой, даже фактическим владельцам Дома.

Глава 6. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Вторая запись

Сам по себе блистон ни для кого не был тайной.

Новый трансурановый элемент, открытый канадским химиком после геологических изысканий на Луне в восьмидесятих годах и получивший свой номер в менделеевской таблице под его именем, приобрел не меньшую популярность, чем уран или золото. Не прошло и трех лет, как блистоновые руды на Дуне начали разрабатываться совместно советско-американской компанией. Было заключено специальное соглашение, к которому присоединились все государства мира, не использовать блистон для военных целей. Если трех водородных бомб было бы достаточно для того, чтобы уничтожить Англию, то три блистоновые отправили бы на дно океана всю Северную Америку. В руках безумцев блистоновая бомба означала бы самоубийство мира.

Что же вырабатывалось на подземных уровнях Дома, куда доставлял Лойолу специальный «мгновенник»? Я повторял и повторял слова Доминика: «Тайна блистона пока все еще тайна». О какой тайне шла речь? Ведь блистон вырабатывал-

ся совершенно открыто и в Советском Союзе, и в США, причем исключительно в мирных целях, заменив уран в атомной энергетике. Блестон использовался и как новый вид топлива для космических ракет и трансконтинентальных краулеров и, вероятно, сыграл и играет свою роль в механизме вращения Дома. Но почему это тайна? Почему скрываются работы за дверью со световой надписью «Предъявляйте красный пропуск» и почему Лойола так боялся, что я открою «спуск в преисподнюю»? Да и не об атомной энергетике думал Лабард, когда уверял Лойолу, что «тайна пока еще не открыта».

Но Роджер открыл ее и уехал, объяснив свой отъезд откровенным «я хочу жить». Я тоже хотел жить, но еще не открыл тайны. Я только подошел к ней, понимая, что ступил на «минное поле». Идти ли дальше?

Роджер никого не посвятил в свое открытие. Я поступил иначе. В тот же день я сообщил о необходимости срочной встречи Полетте, Джонни и Фрэнку. В моей лаборатории, хотя и огражденной от электронного сыска, такое сборище могло бы вызвать подозрение Лойолы, который узнал бы о нем через две-три минуты. Но Полетта могла попросту пригласить нас в гости, а у нее мы были уже в полной безопасности.

Прежде чем рассказать, я долго думал о том, что нас связало до того, как я проник в тайну Лабарда. Джонни просто были не по нутру диктаторские замашки Доминика и Лойолы. Уйдя из Дома, он стал бы обычным средним американцем, отменным специалистом, равнодушным к любой поли-

тической акции. Союз Фрэнка и Полетты вызывал еще большее недоумение. Лабард взял их из приюта с явно рекламной целью. Потеряв жену, сбегавшую со своим другом детства, он объявил публично, что создаст новую семью на новой основе, и тут же распределил детей «по рукам» с хорошей оплатой за содержание и «дрессировку». Учились Фрэнк и Полетта не только в разных учебных заведениях, но и в различных штатах, зато оба прошли сквозь стихию студенческих волнений, снова в конце восьмидесятых – начале девяностых годов охватившую капиталистический мир. Видимо, это и сблизило их, когда оба оказались в кадрах «Хаус Оушен компани» под крылом вспомнившего о них «отца», которого они не знали и не любили. А что меня привязало к ним? Единомыслие? Едва ли. О политике мы почти не говорили, и я даже удивился, увидев как-то у Фрэнка настольную книгу моего отца, всю жизнь отдавшего борьбе на левом фланге лейбористской партии, но так и не приобщившего меня к ней. Книжка была растрепанная, фамилия автора оторвана, но название воскресило воспоминание детства: «Динамика социальных перемен. Хрестоматия марксистской науки об обществе». Фрэнк смущенно прикрыл книгу иллюстрированным журналом. «Интересуешься?» – спросил я. «Надо знать больше, чем учили нас в школе», – уклончиво ответил он и переменял тему. Разговор о политике с Полеттой тоже не получался, да и не политика нас связала. Видимо, просто общая неприязнь к Лабарду. Но сейчас дело менялось: надо

было не ворчать, а действовать.

– Я знал, что несколько тысяч рабочих занято на каких-то специальных работах, – сказал Фрэнк, выслушав мой рассказ. – Я просто этим не интересовался.

– Я знаю больше, – добавил Джонни. – Мои транспортные счетчики ежедневно регистрируют отправку и возвращение безадресных рабочих партий. Эти лифты циркулируют три раза в сутки, не совпадая с обычными часами пик. Все группы отправляются на самые нижние уровни, ниже центрального подъемного вокзала. Я думал, что это связано с какими-то подводными работами – внутрискальные механизмы или подводные ремонтные операции. А может быть, специальная подводная полиция?

– Несколько тысяч человек? Зачем? – удивился я.

Джонни, недоумевая, пожал плечами:

– Еще одна тайна.

– Та же самая. Доминик ясно сказал: «Тайна блистона – пока еще тайна». Для кого тайна? Для жителей Дома?

– Или для мира? – задумалась Полетта.

– А может быть, ты недослышал, – усомнился Джонни. – Случайная обмолвка в случайной беседе.

– И обмолвки не было, – подчеркнул я. – Доминик очень ясно ответил на беспокойство Лойолы. Почему начальник полиции так встревожился тем, что оставил меня одного в кабинете? Из-за второго «мгновенника»? Бесспорно. Он совершенно логично предположил, что я им воспользуюсь. И

почему Лабард тотчас же проверил это у наблюдателя? Хорошо еще, что мне повезло со сменщиком!

– Ты сказал о красных пропусках?

– Да.

– Я слышал о синих.

– Очевидно, их меняют из предосторожности.

– Но ведь тайна блистона – нонсенс! – воскликнул Джонни. – Блистон не засекреченный препарат. Это все знают.

– Верно, но не точно, – усмехнулся Фрэнк. – Блистон не засекречен в атомной энергетике. А если из него делать оружие?

– Чушь! Зачем? Какое оружие?

– Бомбы.

На минуту все смолкли от чудовищности предположения.

– А почему, вы думаете, сбежал Роджер? – сказал я. – Когда я спросил его об этом, знаете, что он ответил? «Я хочу жить».

Опять все замолчали.

– Я вспоминаю день, когда он вернулся откуда-то вместе с Домиником, – задумчиво проговорила Полетта. – Он сразу же попросил у меня стакан виски. «Дай ему хайболл, Полетта, – сказал Доминик, – и не разбавляй содовой. Может быть, это сразу отшибет ему память».

– Они были внизу? – спросил Джонни.

– Не знаю.

– Между прочим, его отпустили без неустойки, – вставил

реплику Фрэнк.

– Или уплатили за молчание, или ликвидируют на континенте, – предположил Джонни. – Кто знает, может быть, мы завтра или послезавтра прочтем о кончине выдающегося американского специалиста по молеэлектронике, павшего жертвой лопнувшей воздушной подушки под его новой машиной. «Иезуиты» сделают это чистенько и без промаха.

Я почувствовал, как рука Полетты судорожно сжимает мою.

– Мне страшно, Майк.

– Мне тоже. Но не бежать же всем, как Роджеру.

– Надо проверить, – сказал Фрэнк. – Мы еще не все знаем.

Ощущение нелепости происходящего вдруг охватило меня. Что мы знаем? Зачем Доминику блистоновые бомбы? Тайное соглашение с «ястребами» американской внешней политики? Вздор. Штаты не нарушат договора, подписанного всем миром. И не зря же его заключали: с блистоном не шутят и превратить землю в руины не рискнет ни одно государство. А вдруг Доминик сошел с ума или возмечтал себя новым Гитлером? Да ведь Дом уничтожат прежде, чем квазидиктатор продиктует свой ультиматум.

– Не так-то легко уничтожить Дом, – сказал Фрэнк.

– Чепуха. Одно попадание обыкновенной фугаски.

– Термоионные преобразователи, создающие ветровой вакуум вокруг вращающейся конструкции Дома, оттолкнут любую бомбу в море.

– А взрывная волна?

– Она изменит направление или расколется, обогнув Дом.

Я не сдавался:

– Есть же флот, наконец!

– Какой? Суперкраулеры-авианосцы? Тот же результат.

– А подводные лодки?

Фрэнк задумался.

– Подводные лодки могут, конечно, серьезно повредить или даже частично разрушить скалу, на которой поставлен Дом. Может быть, часть засекреченных рабочих и занята сейчас на подводных работах. Не так уж трудно создать мощную заградительную сеть для торпед и подлодок.

– Давайте по порядку, – вмешалась Полетта. – Допущение первое: Лабард вообразил себя новым Гитлером. Допущение второе: где-то на нижних Уровнях Дома изготавливаются блистоновая бомба и ракетное устройство для доставки ее на место. Спрашивается: где и с какой целью может быть нанесен первый удар?

– Где? – переспросил я. – Вероятно, на севере Канады или в Гренландии, где жертв будет не так уж много. Лабард не станет уничтожать континенты, он просто пригрозит миру такой возможностью. Вот вам и цель удара. Ультиматум будущего владыки планеты. Одно государство может уничтожить другое, одна система может ниспровергнуть другую. Но Дом никто ниспровергнуть не может. Он неуязвим и безнаказан, если я правильно понял Фрэнка.

И снова замолкли все, и опять спросила Полетта:

– А что означают слова Доминика о том, что время – канун Нового года, место – салон Грэгга и Хенесси, где их и замкнут с какой-то целью! С какой?

– Не знаю, – откровенно признался я.

– До встречи Нового года у нас больше месяца, – сказал Фрэнк.

И тут раздался смех Джонни, поразивший нас всех как самая нелепая выходка в самое неподходящее время.

– Не смотрите на меня, как на сумасшедшего, – произнес он по-прежнему с веселыми искорками в глазах, – я сейчас оправдаюсь. Мне стало смешно, что мы в отчаянии обсуждаем смертельную угрозу миру, когда именно мы четверо легко можем предотвратить ее.

– Как? – вырвалось у нас одновременно.

– Проверить высказанное здесь предложение. Следить за всеми подозрительными встречами Доминика и Лойолы. Здесь нам помогут Полетта и ручной видеоскоп Майка. Все выяснить, вычислить и проявить. А затем наносим удар мы, прежде чем Лабард предъявит свой ультиматум.

– Как? – опять повторили мы.

– И это спрашивают электронщик и химик! – засмеялся Джонни. – Майк выключает всю связь в пределах Дома, в крайнем случае вообще выводит ее из строя. Я делаю то же с транспортом. Ни один лифт не сдвинется с места, замрут все эскалаторные дорожки и кольца. Фрэнк изолирует

наши этажи жидкостным газовым заслоном в случае пешеходного продвижения полицейских отрядов. А основные полицейские резервации легко блокировать автоматическими решетками. Это еще более осложнит положение Доминика и Лойолы в их час пик.

– А нас пристрелит первый же незаблокированный полицейский, – сказал я.

– Так мы и будем ждать его лицом к стенке! Нет уж, драться так драться. Можно замкнуть наглухо диспетчерские пункты. Есть огнестрельное оружие и газовые гранаты. Есть, наконец, и лазеры, которые можно использовать против массиванных полицейских ударов. А за это время можно сообщить всему миру о надвигающейся угрозе, о блистоновой бомбе в руках маньяка. Если он собирается замкнуть Хенесси и Грэгга вместе с сотней мультимиллионеров, значит, юридические владельцы Дома не участвуют в заговоре. Пожалуй, у нас не меньше козырей, чем у Лабарда с Лойолой.

– А кто выигрывает?

– У нас много шансов.

– Фифти-фифти.

– Что-то мне не хочется умирать из-за короны Доминика, – вздохнула Полетта.

– Мне тоже не хочется умирать, – поднял перчатку Фрэнк, – но, думаю, речь идет не только о короне Доминика.

Никто не ответил, но никто и не возразил.

– Значит, решено, – подытожил дискуссию Джонни. – Штаб проверяет, вычисляет и обдумывает. Собираемся у Полетты якобы для игры в бридж. Командует Майк.

Я даже не отнекивался. Не все ли равно, кому командовать?

Глава 7. ЧТО МОЖНО ЗАПИСАТЬ НА МАГНИТНУЮ НИТКУ

В конце ноября и начале декабря Майк дневника не вел. Он только записывал на свою магнитофонную нить все наиболее существенные встречи и разговоры, которые принимал его ручной микротелеприемник. Тут же записывались и комментарии «Совета четырех», на заседаниях которого под видом очередной партии в бридж прослушивалась очередная запись.

Записи располагались в следующем порядке.

Лойола и незнакомый блондин со значком инженера-ракетчика на лацкане пиджака.

– Значок вам придется снять во избежание ненужных вопросов. А работа, я думаю, вам знакома. Обыкновенные боголовки, только с другой начинкой.

– А кто гарантирует мне безопасность, если об этом проносятся ищайки?

– У нас своя полиция.

– Я имею в виду контролеров ООН.

– Они к нам не заглядывают.

– Но могут заглянуть.

– Работы ведутся в полной изоляции от нижних и верхних

этажей.

– При заключении контракта меня предупредили об этом. Но я же буду возвращаться к себе, захочу развлечься. Контракт не отнимает у меня права на личную жизнь.

– Не отнимает. Но жить вы будете на блокированных уровнях. Где-нибудь между сто одиннадцатым и сто шестнадцатым.

– Но не в одиночном же заключении?

– На этих уровнях около двадцати тысяч жителей. Целый город. Заводите знакомства, но не болтайте.

– И есть где выпить?

– Хотите в одиночку – нажмите кнопку у себя в номере. Требуется партнер или партнеры – бар за углом. Жаждете океанской прохлады – лифт доставит вас на внешнюю галерею. Там рестораны цепочкой.

– Подходит, шеф.

Джонни. Это специалист по глобальным ракетам. Должно быть, Нортон. Рыжий?

Майк. И веснушчатый.

Джонни. Он.

Полетта. А выводы?

Джонни. Проследить, где он будет в канун Нового года, и заблокировать подземку.

Майк. Принято.

Джонни. Если в баре, так этажи все равно прикрыты. Мы их замкнем окончательно.

Ужин у Лабарда. Доминик, Грэгг, Хенесси – толстенный аккуратный человечек, Пиквик в современном костюме, – и две дамы – брюнетка с высоким и резким голосом и платиновая блондинка с мелодичным контральто. Запись открывается репликой Лабарда по адресу своей светловолосой соседки.

– А что такое, по-вашему, счастье, Барб?

– Любить и быть любимой.

– Пресно, Барб. Иногда это случается, но быстро надоедает.

– Доминик прав. – Это брюнетка с высоким голосом. – Счастье – это много денег и возможность обладать всем, что захочешь.

Смех Лабарда:

– Грэгг под этим подпишется.

– Едва ли, Доминик. Счастье – это не наличие денег, а возможность их делать. Согласны, Хен?

– Полностью.

– И все вы ошибаетесь. – Бархатный голос Лабарда подымается до высоких нот. – Счастье – это власть. Абсолютная, неограниченная, беспринципная. Мир – это «джигсо». Карта, составленная из кусочков цветного пластика. Пятнышки-государства. Ты меняешь их, перекладываешь, выбрасываешь. Вспомните Гитлера.

– Пиноккио, поставленный у карты немецкими миллионерами. Забытая всеми кукла. Вы знаете Гитлера,

Барб?

– Кто-то из старых фильмов?

– Зебра! – воскликнула брюнетка. – Мы же проходили это в школе. Что-то военное, да?

– Умницы, – смеется Лабард.

И Майк выключает запись.

Майк. Кто эти идиотки?

Джонни. Блондинка – Барбара Тунелли, итальянская звезда Голливуда. Брюнетка – ее соперница, Диана Фэн.

Полетта. По-моему, Барбара равнодушна к Доминику.

Джонни. А ну их к дьяволу! Включай дальше, Майк.

– Деньги могут дать власть, но власть – это не деньги, – снова включается бархатный голос Лабарда. – Ее капитал – сила. В обществе, основанном на неограниченной власти, нет ни классов, ни классовой борьбы, ни буржуа, ни пролетариев. Человек измеряется мерой силы, ему положенной. Он может быть ничтожной мышкой или живым Богом, отбросившим все привычные моральные категории.

Смешок Грэгга:

– Отрывка ницшеанства, Доминик... Я предпочитаю тоже старомодный, но живучий практицизм. Вы построили Дом на *мои* деньги. Вы говорите, я слушаю. Но пенки с молока снимаю я, а не вы.

Теперь уже смешок Доминика:

– Кто знает, Грэгг, чем измеряются зигзаги удачи?

Фрэнк. Лабард раскрывается.

Джонни. Повторяется.

Полетта. Уже не стесняясь владельцев Дома. Должны же они это заметить.

Майк. Сейчас узнаете.

...Кабинет Грэгга. Грэгг и Хенесси. Запись произведена с микротелепередатчика общего типа для всего Дома.

– Что-то мучает тебя, Джо.

– Верно, Хен. С того вечера на веранде.

– Доминик?

– Он.

– Я так и думал. Что-то он затевает. Странные слова.

Странные мысли.

– Я уже давно догадываюсь. Но что?

– Украдет Дом?

– А вдруг?

– Это не слишком легко.

– Но и не слишком трудно. Интересно, с какой целью он пригласил на работу Линца и Нортон?

– Линц – старый блистонщик. Нужно же кому-то крутить Дом.

– Не думаю, что его нужно крутить с помощью глобальных ракет.

– Не понял.

– Нортон – специалист именно по глобальным ракетам, недавно оставивший работу в военно-промышленном комплексе.

– Неужели ты считаешь...

– Я считаю только будущие прибыли и убытки.

– Если он украдет Дом, мы потеряем около восьми миллиардов ежегодно. Не считая его номинальной стоимости.

– Как бы мы не потеряли больше. Ты понимаешь, о чем я думаю?

– А заманчиво все-таки стать владыкой мира. Я бы не возражал.

– Какой ценой? Если Доминик выиграет, выгодно нам это или невыгодно? Мы и так контролируем экономику тридцати восьми стран. А что начнет Доминик? Стирать их с карты. Строить свои Дома в океане и загонять туда государство за государством. Начнет с Африки: там государств и народов как сельдей в бочке. Их – в океан, а континент – в джунгли. Так выиграем мы или проиграем?

– Наши капиталовложения в Африке – это несколько десятков миллиардов.

– Более полусотни.

– А переселение народов – процесс длительный. Доминик, конечно, наобещает нам миллионы акров плантаций и даровую рабочую силу, но его демографические забавы – это игра.

– Игра хороша, если беспроигрышна. Есть еще и социалистическая система, а там сложа ручки сидеть не будут. Нет, Хен, даже с блистоновой бомбой мы не вернем всего, что потеряем.

– Тогда надо действовать.

– А может быть, сначала проверить? Скажем, через агентство Хаммера. У них дельные ребята.

– Не будем множить число самоубийц, бросившихся в океан с ведома Педро Лойолы. Есть и другие средства. Сенаторы, например. Половина поддержит нас, если понадобится.

– Тогда подумаем. Еще есть время.

Полетта. Как это их свободно выпускают отсюда после таких откровений?

Фрэнк. Доминик показывает, что его уже ничто не пугает.

Майк. Сейчас вы узнаете почему.

Лабард и Лойола.

– Остались считанные дни. Реклама самой дорогой встречи Нового года должна быть усилена. Нажимай все кнопки: газеты, радио, телевидение. Воскреси старомодные «сэндвичи» на улицах, листовки с вертолетов, кинорекламу на крышах. Пусть все и везде кричит: Новый год, Новый век, Новое тысячелетие! Где самая фешенебельная, самая дорогая встреча? В Доме! Я хочу собрать здесь всех мультимиллионеров Мегалополиса. В час ночи я им преподнесу ультиматум.

– Это копия.

– Наметанный глаз. Подлинник пошлем в ООН.

– Третий экземпляр я возьму себе в сейф. Кстати, кто печатал?

– Диктофон.

– Не доверяешь Полетте?

– Чем меньше людей знают об этом, тем лучше для дела.

– Когда будет нанесен первый удар?

– В полночь. На рубеже веков.

– К одиннадцати у Нортонa все будет готово.

Джонни. Хорошо бы узнать текст ультиматума.

Майк. Беру на себя.

Джонни. У Лойолы сейф с электронным замком.

Майк. А у меня электронная отмычка.

Полетта. Надо спешить, мальчики.

Джонни. У меня все готово. У них – к одиннадцати, у нас

– к десяти.

Фрэнк. Не забывай о полиции. Они могут поставить охрану раньше.

Джонни. Я никого не пушу в диспетчерскую. Есть специальное распоряжение Лойолы: все приказы только от него и только по видеофону. У Майка тоже. Кстати, нас не собираются заменять перед акцией.

Майк. Откуда ты знаешь?

Джонни (*загадочно*). Знаю.

Майк. Ну а сейчас все узнают.

Лойола и Джонни.

– Я вас слушаю, сэр.

– К сожалению, только неприятное, Джонни.

– Я готов, сэр.

– Вы не будете встречать Новый год, Джонни. Вы будете работать.

– С повышенной оплатой, сэр?

– В три раза.

– Возражений нет. Жду инструкций.

– Вы знаете, конечно, о существовании грузового лифта «даблью»?

– Запломбированного? Конечно.

– Вы сорвете пломбу и подымете его по первому сигналу лампочки. За минуту получите мой личный приказ.

– Есть опасность?

– Какая?

– Но лифт «даблью» спроектирован только для подъема грузов на уровень причала сверхкраулеров. В случае опасности, сэр.

– Вы не в курсе, Джонни. Лифт «даблью» подымает на верхнюю площадку Дома.

– Но...

– Никаких «но». Я приказываю – вы подчиняетесь. И не проявляйте излишнего любопытства, как не проявляет его Майк. Могу сообщить вам обоим, что я доволен вашей работой. Можете идти.

Фрэнк. Что это за таинственный лифт?

Джонни. Понятия не имею. Он с основания Дома запломбирован.

Полетта. Ан догадываюсь. Он выведет ракету на смотро-

вую площадку.

Джонни. Не выведет.

Майк. Ты сорвешь пломбы?

Джонни. Не только. Заблокирую авторешетками все выходы с подводных уровней.

Полетта. Да благословит вас Бог! Это я по старой привычке, простите. Воспитывалась у католичек.

Майк. Охотно прощаем, девочка.

Глава 8. В СЕЙФЕ ЛОЙОЛЫ

Осталась всего неделя до встречи Нового года, самого страшного года в нашей судьбе.

Вернее, он мог быть таким.

Ожидание – всегда нервотрепка. И когда ждешь окончания дела, исход которого беспокоит, или приговора врача, или просто свидания с девушкой, на которое она опаздывает, и ты не отрываясь следишь за бегом минутной стрелки, сердце бьется все чаще с каждой секундой. А мы были в цейтноте, когда ход противника требовал немедленного ответа.

Противник записал ход, но мы не знали его. Запись хранилась где-то у Доминика и в сейфе Лойолы. Текст ультиматума, который должен был зачитать Лабард после боя часов, возвещающего пришествие нового века. Более полутора тысяч гостей ожидалось на этой встрече, и каждое слово ультиматума должно было встать костью в горле, которую не запьешь коньяком или шампанским.

Мы все подготовили, все рассчитали, как шахматный этюд. Никакие ракеты с боеголовками не подымутся наверх ни в десять, ни в одиннадцать часов блистоновый «пистолет» Лабарда не выстрелит, и человечество может оставаться спокойным: новый век придет тихо и торжественно, как Санта-Клаус, не разбив ни одного бокала на столиках в гостевом салоне владельцев Дома. Десять сенаторов и шесть гу-

бернаторов, генеральный прокурор Мегалополиса и два министра, сотня миллиардеров и более тысячи миллионеров будут мирно звенеть бокалами и кричать: «Хэлло! Ура! Желаем всем счастья и процветания в новом столетии!»

Но что произойдет через час, через два, когда связь будет восстановлена, лифты пущены, а наши трупы будут дожевывать акулы, шныряющие вокруг седьмого чуда уходящего века? Нас только четверо, а «иезуитов» Лойолы сотни на каждом этаже. Мы можем радировать во все газеты мира о том, что ждет человечество, мы можем вызвать подводный флот десятка держав, а «пистолет» Лабарда успеет выстрелить, уничтожив полмира. Мы можем убить Лабарда и Лойолу до последней полуночи года, но вдруг окажется, что ультиматум Доминика был новогодней шуткой, и мы все четверо сядем на электрический стул.

Не зная ультиматума, мы не могли действовать; не зная, что происходит в подводных этажах Дома, мы не могли пугать человечество. Короче говоря, мы не могли двинуть ни одной фигурой, пока противник не объявит записанный ход.

Следовательно, мы должны были найти и продиктовать миру текст ультиматума за несколько часов до того, как он мог быть прочитан одновременно с вырвавшейся в небо ракетой. Этому и было посвящено наше последнее совещание во время очередной «партии в бридж» за неделю до Нового года.

– Может быть, мы сделали ошибку, не создав массовой

оппозиции заговору? – с сомнением высказался Майк.

– Глупости! – сказал Джонни. – Создать агитационный комитет, искать ущемленных и недовольных – У нас ушли бы на это месяцы, а может, и годы. При наличии электронного сыска Лойолы ни один разговор не остался бы неподслушанным. Кто-нибудь попался бы через два дня, и весь наш заговор лопнул бы, как мыльный пузырь. Роджер не зря бежал: его уже фактически выследили.

– Джонни прав, – согласился Фрэнк, – у нас единственный выход – уничтожить Доминика.

– Остается Лойола.

– Начнем с Лойолы.

– Не с Лойолы, а с поисков текста ультиматума, переданного ему Домиником, – сказала Полетта. – Майк взял это на себя еще две недели назад.

– Но Лойола никуда не выходит.

– А как же он общается?

– Только по видеофону.

– Может, «потрогать» Доминика?

– Займет слишком много времени. Я не знаю, где он хранит секретные документы.

– Тогда в открытую, – сказал Джонни. – За два часа до встречи, когда связь и лифты будут выключены, атакуем Лойолу. А там видно будет.

31 декабря газеты, мелькая шапками на всю полосу: «Самая дорогая встреча Нового года», «Короли биржи и бан-

ков в новогоднюю ночь над океанской пучиной», «Миллионы и миллиарды в гостях у гения нашего времени», валялись на полу под ногами. Майк ожесточенно топтал их, отмеряя шагами окружность диспетчерской. Связь он только что выключил. Ни один телевизор, ни один видеоскоп не осветится, хоть сотни раз нажимай кнопки. Не откликнется ни телеграфная, ни радиосвязь с континентом. Ни одно приказание не сможет быть передано по этажам. Майк знал, что одновременно остановились все лифты и эскалаторные дорожки. Только «мгновенники», доставляющие гостей на четырехсотый этаж, ждали своей очереди. Лестницы же от подземных этажей, до трехсотпятидесятого уровня, откуда начинались диспетчерские промышленных функций «Хаус Оушен компани», были автоматически перекрыты стальными решетками, которые нельзя было ни пробить, ни взорвать.

Ровно в десять в диспетчерской появились Фрэнк, Полетта и Джонни.

– Все готово, Майк.

– Все. Только боюсь, что это обнаружится в ближайшие полчаса.

– Мы уже двенадцать раз это обсуждали. Обнаружится так обнаружится. Встретим.

– Хорошо, что Доминик лег спать и просил его не беспокоить, – сказала Полетта.

– Зато Лойола бодрствует, – зло усмехнулся Майк.

– Тем лучше: будить не придется.

Они вышли вместе. Подняться надо было всего на один пролет лестницы. Никто не встретился.

– Где же «иезуиты»? – удивился Майк.

– Вызваны на четырехсотый этаж. Туда уже съезжаются гости, – пояснил Джонни.

Белые пластиковые двери Лойолы, как всегда, были закрыты. Майк молча извлек свою электронную отмычку и почти мгновенно открыл замок. Два гиганта-охранника бесшумно выросли в коридоре, но струя газа из крохотного пистолета Фрэнка так же бесшумно бросила их на ковер. Высокий ворс его погасил звук падения тел. Холл перед кабинетом был пуст, а дверь открыта. Лойола, не ожидавший визитеров, суетился у панели с кнопками связи и транспорта и даже головы не поднял, когда в кабинет вошли все четверо.

– Бросьте, Лойола, – сказал Джонни, подошедший ближе, – не тратьте сил. Все выключено.

– Как – выключено? Кем выключено? – крикнул Лойола, все еще ничего не понимая, но руки его уже машинально шарили в приоткрытом ящике стола в поисках оружия.

– Руки на стол, – потребовал Джонни.

Но Лойола уже успел выхватить пистолет. Майк, ближе всех находившийся на линии выстрела, мог стать первой жертвой – трусом Лойола не был. Майк не прочел в его глазах страха – только мгновенное осознание того, что произошло и может произойти. Да, трусом Лойола не был, но он не был слишком проворным. Поворот перстня Майка пре-

дупредил неминуемый выстрел. Струя того же газа, которым был заряжен и пистолет Фрэнка, ударила кардиналу «иезуитов» в лицо. Эффект был мгновенным – тело Лойолы мешком сползло с кресла.

Полетта стояла отвернувшись, но ее не упрекали, девушке не к лицу было заниматься «мужским» делом. Джонни и Фрэнк не церемонясь вытащили грузное тело Лойолы из-под стола и щелкнули наручниками. Теперь его безвольные руки оказались скованными.

– Вы убили его? – хрипло спросила Полетта.

– Разве его убьешь? – усмехнулся Фрэнк. – Полежит пару часов и очнется в наручниках. Да и Новый год, пожалуй, встречать не будет: мускулы ослабнут, не встанет.

А Майк тем временем уже возился со своей отмычкой у сейфа. Сначала отмычка вращалась быстро и Майк только отмечал на диске, какие цифры вспыхивали. Составив число, он снова пустил в ход отмычку, передвинув в ней какие-то штифтики, и замок сейфа мягко щелкнул, обнаружив содержимое «тайного тайных». Поверх кипы бумаг лежал всего один лист, отпечатанный на диктофоне, но он-то и был нужен им как самая крупная драгоценность в мире.

– «Дорогие дамы и господа, – начал читать Майк дрожащим от волнения голосом, – вот мы уже подняли и выпили свои бокалы за Новый год, Новый век и Новое тысячелетие. Пробили часы. И одновременно с последним, двенадцатым боем ушла в небо первая ракета с верхней площадки Дома.

Первая ракета с блистоновой боеголовкой. Не удивляйтесь и не трепещите. Я не признавал и не подписывал договора о запрещении блистонового оружия. Правда, у меня нет государства, но есть Дом с трехмиллионным населением, который сильнее любого государства и неуязвим для пушек, ракет и бомб. И он может войти в ООН, скажем, на тех условиях, как административный округ Колумбия со столицей Вашингтон входит в состав Соединенных Штатов Америки. Ни одно государство не сможет помешать мне, потому что моя первая ракета с блистоновой боеголовкой уже стерла с карты земного шара часть суши, равную половине Европы. Это не очень важная часть для человечества – я гуманен и выбрал для первого удара Гренландию, где много льда и не так уж много человеческих жизней. Но второго удара человечество не допустит: какое государство отважится на самоубийство? Так будет объединен мир, единоличным главой которого стану я, новый мир без войн и границ, без классовой борьбы, забастовок и демонстраций. Когда-то нечто подобное провозглашал Гитлер, но был он мал и ничтожен. Теперь историю пишу я, и мое перо легко вычеркнет коммунизм и социализм, а судьбу человека будет определять по аппетитам его, по силе его, по способностям приложить эту силу к достижению доступных ему высот. Будут сверхлюди и просто люди и недочеловеки, высшие и низшие расы, господа и рабы. Многие из вас будут мне аплодировать – я е вижу сенатора Бультивелла и двух губернаторов восторженно подняты-

ми руками, – и я не обману ваших надежд. Кое-кто пострадает, конечно. Грэгг и Хенесси потеряют миллиарды Дома, но я отдам им английские и бельгийские рудники в Африке, и они простят мне эту экспроприацию. Смирятся и Белый дом, и Уайтхолл, и Кремль, потому что мое маленькое государство уничтожить нельзя, а я могу уничтожить полмира».

– Мы угадали, – сказал Фрэнк, – он начал с Гренландии.

– Не начал, – сказал Джонни. – Начнем мы.

Глава 9. КОНЕЦ ДОМИНИКА

Майк спустился в диспетчерскую и, включив внешнюю радиосвязь, передал следующую радиограмму:

«ООН и всем правительствам мира.

Говорит радиостанция «Хаус Оушен компани». Готовится чудовищное преступление против мира и безопасности. На нижних подводных уровнях Дома уже давно фабрикуются втайне от трехмиллионного населения Дома ракетные боеголовки из блистона, запрещенные специальным соглашением всех государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Волею главы Дома инженера Доминика Лабарда первая ракета с такой боеголовкой должна быть выпущена сегодня после полуночи во время встречи Нового года на четырехсотом этаже. Одновременно Доминик Лабард огласит перед собравшимися свое обращение к ООН и правительствам всего мира».

Далее следовал изъятый из сейфа текст.

«Мы, группа противников заговора, – продолжал выстукивать открытым текстом свое обращение Майк, – блокировали ракетную шахту Дома. В полночь блистоновая пушка не выстрелит. Полицейские резервации почти на всех этажах блокированы автоматическими решетками. Просим к утру прибыть инспекцию ООН для обследования блистоновых

установок Дома. Инспекторов должен сопровождать охранный отряд на случай возможного сопротивления полиции, если блокировка казарм к тому времени будет снята. Начальник полиции Дома пока обезврежен и находится под арестом в своем кабинете».

Зажглась красная лампочка видеофона.

– Хорошо, что ты включил поэтажные связи, – сказал Фрэнк. – Здесь Грэгг и Хенесси. Мы вызвали обоих. Передай по радио от их имени, что они присоединились к нам и поддерживают наше обращение.

Майк снова вышел в эфир, кратко сформулировав заявление владельцев Дома. Закончив, тяжело вздохнул и опустил руки, как боксер между двумя раундами. О том, что было сделано, он уже не думал: оно отняло все помыслы, желания и силы. Тянулась цепочка ненужных мыслей: хорошо бы выпить чашку кофе с ликером, пришить оторванную пуговицу на рукаве, отстричь загнувшийся на мизинце ноготь. Когда Майк поднялся наверх, то никого не увидел: яркий свет ослепил его – у него в диспетчерской было темно, – и лица людей, ожидавших его в кабинете Лойолы, казалось, плавали в тумане, подсвеченном невидимыми «юпитерами». И первое, что он услышал, было жалобное восклицание Полетты: – А ты поседел, Майк. Спереди совсем белый.

В никелированной поверхности сейфа отразилось уменьшенное лицо Майка с серебряной, точно припудренной, набегающей на лоб прядью волос.

– Вы герой, мистер Харди, – слышал он голос Грэгга и наконец-то разглядел американца. – Чтобы предотвратить такое бедствие, нужно обладать не только умом, но и рыцарской храбростью.

«Еще бы, – зло подумал Майк, – сохранили тебе восемь миллиардов годового дохода».

– Я же был не один, – сказал он лениво.

Говорить не хотелось: в глазах мелькало видение пакеты с блистоновой боеголовкой – что-то длинное и сверкающее, как башня в пламени.

– Мы оценим всех, – торжественно произнес Грэгг, – только бы вовремя прибыла инспекция ООН.

– При чем здесь инспекция ООН? И вообще, что, собственно, происходит? Я пришел сюда по трупам охранников, – раздался гневный голос с порога.

В дверях, как изваяние, стоял разъяренный Лабард в белом парадном смокинге.

– Они живы, – сдержанно ответил Фрэнк. – Временный транс.

Но Лабард не сдерживался, он еще ничего не понимал.

– Почему стоят лифты? – закричал он, заметив Джонни.

– Лифты без перебоев доставляют прибывающих гостей на четырехсотый этаж, – отбарабанил Джонни.

– Я спрашиваю о лифтах вообще. По какому приказу они остановлены? И вообще, почему вы здесь? Где Лойола?

Джонни не требующим пояснения выразительным жестом

указал на ковер, где со скованными руками лежал кардинал «иезуитов».

– Мертв? – воскликнул Лабард.

– Очнется, – равнодушно заметил Джонни.

– Вы проиграли, Доминик, – сказал склонный к патетике

Грэгг, – мы уже ознакомились с вашим ультиматумом, знаем все о готовящемся преступлении и благодарны людям, сумевшим ему помешать.

Доминик сделал шаг назад, к открытой двери.

– Не трудитесь, Лабард, – остановил его Джонни. – Все этажные перекрытия заблокированы. Все лифты, кроме гостевых, остановлены. Хотите вызвать полицейских – вы найдете лишь тех, которые дежурят в банкетном зале. А они подчиняются только приказам Лойолы.

– Что вы говорили здесь об инспекции ООН? – спросил Доминик.

– Мы вызвали ее к утру проверить ваши блистоновые установки на подводных уровнях, – сказал Фрэнк и, подойдя вплотную к Доминику, тихо добавил: – Ваши руки, сэр, если не хотите насилия.

Еще раз мягко звякнули наручники.

– И ты, Фрэнк? – вздохнул Лабард.

– И он и я, – откликнулась Полетта. – Вы маньяк, Доминик. Называть вас отцом – значит оскорбить память наших действительных родителей. Вы преступник, чудовищный, хладнокровный, безжалостный.

– Как и те, которых когда-то судили в Нюрнберге, – прибавил Фрэнк.

К нему присоединился и до сих пор молчавший Хенесси:

– Вас тоже будет судить международный суд, Доминик. И я, как юрист, могу вам сказать, что ни один адвокат не поможет вам ускользнуть от петли. Мне страшно подумать, чем кончилась бы начатая вами мировая война.

– Жаль, – сказал Лабард. – До войны, пожалуй, дело бы

не дошло. Но я проиграл, вы правы. Не посмотрел, что у противников на руках все четыре туза: ум, расчет, связь и транспорт. – Он усмехнулся. – Гордитесь: вы почти победили непобедимого Лабарда.

– Почему «почти»? – удивился Джонни.

– Побеждать нужно живых... – Лабард не закончил, поднял скованные руки к лицу, проговорил: – Это старомодно, но по-прежнему надежно, – и надкусил уголок манжета сорочки.

Джонни рванулся к нему, но не успел: Лабард вздрогнул, дернулся и, не сгибаясь, упал на ковер.

– Идиот! – простонал Джонни. – Это я идиот. Не сообразил.

– Мы все не сообразили, – сказал Фрэнк. – Но может быть, так и лучше...

Никто не смотрел на Доминика. Никто не подошел к нему, не нагнулся над ним. Только Джонни сказал, неловко скривив губы:

– Наручники, пожалуй, придется снять, – и снял их, не прикасаясь к телу.

– Я думаю, до прибытия инспекции и полиции из Штатов нам ничего не нужно трогать в этой комнате, – деловито проговорил Хенесси. – Врач не потребуется ни ему, ни Лойоле – тот все равно останется до утра в таком состоянии: я знаю действие этого газа. Надо закрыть комнату и уйти.

– Хен прав, – сказал Грэгг и взглянул на часы, – без десяти

двенадцать: попадем как раз вовремя. Хозяева Дома должны обязательно быть на банкете, и встреча Нового года должна пройти не омраченной даже намеком на то, что произошло в этой комнате. Вам, Харди, придется принести себя в жертву и остаться в радиобудке для связи с миром, если возникнет необходимость отвечать на многочисленные радиозапросы о случившемся. Я думаю, что уже сейчас нас вызывают отовсюду, а радио Дома молчит. Поэтому поспешите. Лифты, я полагаю, кроме гостевых, можно не включать до утра. Тех из вас, кто хочет встречать Новый год в общем зале, я приглашаю к столу, но у кого возникнет желание остаться в диспетчерской вместе с Харди, я, естественно, не возражаю – все для праздника будет им обеспечено. Но всем нам до утра пригодится и сдержанность, и умение сохранять спокойствие в любой ситуации.

Так закончился этот последний и самый страшный день в уходящем году.

Глава 10. ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Третья и последняя запись

Мы с Полеттой уезжаем в Англию. Дом получил статус города, и мэром единогласно избран Фрэнк. Директором всех коммерческих предприятий Дома назначен Джонни. А вместо находящегося под следствием Педро Лойолы прибыл бывший начальник полиции штата Нью-Джерси.

Мне не пришлось платить неустойку. Напротив, мне предложили премию в сумме моего годового оклада. Я отказался: не хочу ничем быть обязанным администрации Дома.

– Мне жаль отпускать вас, Харди, – сказал Грэгг, – не понимаю вашей неуступчивости. Может, все-таки передумаете?

– Нет, мистер Грэгг, не передумаю. Я устал – слишком много пережито. Вы помните: я приехал сюда брюнетом, а уезжаю почти седым.

– Вы можете возглавить наше отделение в Англии?

– Предпочту небольшую, хорошо оборудованную лабораторию с ассистентом в лице Полетты.

– Я, между прочим, так и не догадался о ваших отноше-

ниях, – усмехнулся он.

Я тут же отреагировал:

– Мы, англичане, как вы и сами заметили, умеем быть сдержанными в своих чувствах.

С Джонни мы расстались по-дружески, осушив две бутылки мартини, но, в общем-то, без особых сожалений и угрызений.

Прощание с Фрэнком было иным.

Мы стояли на внешнем парковом поясе Дома над океанской далью, уплывающей в сумерки. Глубоко под нами шумели волны.

– Ты можешь гордиться единодушным избранием, Фрэнк, – сказал я.

Он усмехнулся:

– Чем тут гордиться? Правые элементы в руках Хенесси и Грэгга. Левые всегда бы меня поддержали. Ты не знаешь одного, Майк: даже без помощи Джонни ракета Доминика все равно бы не вышла с боеголовкой. Накануне ее заменили.

– Кто?

– Нашлись и у меня единомышленники на блистоновых установках.

Я посмотрел ему в глаза: он улыбался откровенно и многозначительно.

– Странно, Фрэнк, – сказал я, – ты же всегда говорил о рабочей аристократии Дома и о невозможности избавиться от электронного сыска.

Он не смутился.

– Это Роджер говорил, а не я. А кроме того, не всегда и не всем можно говорить то, что знаешь. Даже среди рабочей аристократии может найтись горсточка настоящих людей. Главное сделано, а за годы моего правления надеюсь сделать еще больше. Без боеголовок, ракет и электронного сыска. «Иезуиты», думаю, нам тоже не понадобятся, а хозяйские аппетиты можно будет и подсократить.

– Едва ли это обрадует Хенесси и Грэгга, – заметил я.

– А ты обольщен их доверием?

– Не обольщен, но удивлен, пожалуй, что они не поддержали Лабарда.

– Из благороднейших побуждений, из любви к человечеству, да? Нет, мой милый, из трезвого экономического расчета. Ты же сам записал их разговор. Игра хороша, если беспроегрышна. А в игре Лабарда было слишком много риска и авантюры. Рулетка. Не для солидных, обеспеченных ставок. Конечно, американские «ультра» охотно возвели бы Доминика на мировой престол, но трезвых голов на американском финансовом Олимпе все-таки больше. Они, эти трезвые головы, как и Грэгг с Хенесси, могли бы точно подсчитать: смирится ли мир с угрозой Лабарда? Нет, не смирится. Есть и разумные руководители наций, есть, наконец, социалистическая система, и блистоновые бомбы изготовить там тоже сумеют. Кстати, и скорее и больше. Да и так ли уж неуязвим Дом? Пробовали массированные воздушные налеты? Нет, не

пробовали. А вдруг попробуют и прорвут где-нибудь защитный ионный барьер? Под водой еще проще. Там одной торпеды с блистоновой начинкой достаточно, а взрывная волна сметет все восточное побережье Мегалополиса. Хен с Грэггом все, несомненно, продумали, подсчитали и учли. И не такие уж они ангелочки, чтобы тревожиться о судьбах человечества. О своих миллиардах они тревожились и нас покупали, чтобы их сохранить. Только ничего у них не выйдет.

– Отнимете?

– Отнимем. Два-три миллиарда они потеряют наверняка. Мы создадим профсоюзы, отменим кабальный кредит, поломаем всю электронику сыска и добьемся снижения цен до континентального уровня. И учти, что все это только начало.

Я вспомнил мечту Лабарда о его демографическом рае.

– И ее на свалку дурных воспоминаний? А не просчитаетесь?

Фрэнк предпочел не заметить иронии.

– Почему воспоминаний? Гигантские дома-города на воде уже и сейчас строят. В Средиземном море на острове, откупленном французским правительством у наследников миллионера Онассиса, на Змеином острове против устья Дуная по проекту советских и румынских инженеров. И Хенесси с Грэггом скоро раскошелятся – не захотят отставать. Невыгодно? Вздор. Производство городов в океане вскоре станет одним из наивыгоднейших капиталовложений. Только строить будут «по потребности», в зависимости от угрозы пере-

населения. А старые города, конечно совершенствующиеся во времени могут преспокойно оставаться на земле в положенных им границах, и незачем сгонять все человечество на воду. Земля была и будет его кормилицей, и противоестественно превращать ее в охотничьи джунгли. Это бред, и Лабарда следовало поправить заблаговременно. Но кто знал?

Мне стало грустно оттого, что я теряю этого нового, так недавно и неожиданно раскрывшегося передо мной человека. Я бы кое-чему у него научился.

– Ты и так научился, – сказал он. – Практически. А теоретически подучит Полетта. Тут она помудрее меня.

Я усомнился: где мне! Не то мышление, не то воспитание.

– Ты Полетты не знаешь, – сказал он многозначительно. – Пройдет год-два, и «тихая» лаборатория покажется тебе тюремной камерой. И сбежишь ты, мой милый, к старине Фрэнку вместе с Полеттой.

Как говорят в таких случаях: он словно в воду смотрел.

